

ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ ХЕРСОНСЬКОЇ ОБЛАСТІ

**КОМУНАЛЬНИЙ ЗАКЛАД
НАВЧАЛЬНО-ВИХОВНИЙ КОМПЛЕКС
«ШКОЛА ГУМАНІТАРНОЇ ПРАЦІ»
ХЕРСОНСЬКОЇ ОБЛАСНОЇ РАДИ**

Бібліотечка архіву: Випуск 14

СХВАЛЕНО

науково-методичною радою
держархіву Херсонської області
Протокол від 27.05.2011 №4

***Херсонщина на початку
Великої Вітчизняної війни
(червень-вересень 1941 р.)***

Добірка документів

**Херсон
2011**

Видання здійснене за сприяння
Навчально-виховного комплексу «Школа гуманітарної праці»
Херсонської обласної ради

Упорядники: І. Ю. Сінкевич, О. І. Стукалова

Відповідальний за випуск: В. О. Лебідь

Херсонщина на початку Великої Вітчизняної війни (червень-вересень 1941 р.): Добірка документів / Упоряд.: І. Ю. Сінкевич, О. І. Стукалова; Відп. за вип.: В. О. Лебідь. – Херсон: Державний архів Херсонської області, 2011. – 64 с.: іл. – (Бібліотечка архіву. Вип. 14)

До уваги читачів пропонується публікація із фондів держархіву Херсонської області фрагменту мемуарів «З прожитого та пережитого» Семена Івановича Кривошеїна, колишнього члена Херсонського міського комітету КП/б/У, про Херсон у червні-серпні 1941 р., фрагментів спогадів учасників оборонних боїв на Херсонщині на початку Великої Вітчизняної війни, фотодокументів передвоєнного Херсону.

Видання розраховане на істориків, краєзнавців, викладачів, студентів, учнів старшої школи, широке коло читачів історичної літератури.

ЗМІСТ

Передмова.....	4
Зі спогадів С. І. Кривошеїна «З прожитого та пережитого».....	8
Зі спогадів Є. Д. Вітенка.....	29
Зі спогадів Я. К. Жукова «Дунайці в битві за Дніпро»	30
Зі спогадів А. Г. Кузнєцова «Херсон і Каховка – етапи великого шляху...»	45
Зі спогадів О. О. Березовського «Спогади колишнього дунайця вогняного 1941 року»	49
З листа О. О. Березовського до Б. Ю. Зецер.....	51
Зі спогадів В. П. Молоткова «Подвиг дунайця»	52
Зі спогадів Я. С. Устименка «Велика битва на Дніпрі в районі Каховки».....	56
З листа Н. І. Вейцмана до В. П. Рилєєва	59
Зі спогадів М. Р. Зимовця.....	62

ПЕРЕДМОВА

У 70-ті роковини початку Великої Вітчизняної війни державним архівом Херсонської області за сприяння НБК “Школа гуманітарної праці” Херсонської обласної ради у “Бібліотечці архіву” здійснено тематичне видання документів держархіву “Херсонщина на початку Великої Вітчизняної війни (червень-вересень 1941 р.)”. Для публікації відібрані мемуари початку 1970-1980-х років, які відображають початковий період війни.

В радянську добу історія Великої Вітчизняної війни перетворилася в героїко-епічне полотно, на якому події перших місяців війни були поглинуті переможним наступом радянських військ 1943-1945 років. Тож спогади учасників війни дають можливість і реконструювати події “гарячого літа 1941 року”, і показати людський вимір війни, зрозуміти, чим війна була в дійсності, що вона означала для звичайних людей. Адже мемуари розкривають перед сучасним читачем мотиви, бажання, страхи окремих людей, дають змогу почути тлумачення минулих подій їх учасниками, а на більш широкому рівні – відображають суспільну свідомість, колективну пам'ять про минуле.

Державним архівом області вперше публікуються спогади про Херсон у червні-серпні 1941 року колишнього завідуючого воєнним відділом Херсонського міського комітету КП/б/У Семена Івановича Кривошеїна (1903-1978). Вони складають частину його фундаментального рукопису “З прожитого та пережитого”, що зберігається у фонді *P-3873 Родинний фонд, Кривошеїни*.

Приналежність автора до місцевого партійного керівництва дозволила розгорнути перед читачем широку панораму підготовки міста Херсона до оборони, евакуації місцевих підприємств, оборонних боїв у місті, створення підпілля та партизанського загону. А критичне ставлення до прикрашання окремими авторами історичної дійсності, до підміни історичних фактів звичними штампами про запеклі бої та масовий героїзм, спонукало С. І. Кривошеїна до більш виваженого відображення минулого. У передмові автор гаряче протестує проти намагання прикрасити історичні події та людей. Оборонці міста у тих умовах і так зробили неможливе. Заміна ж реальних подій перебільшеннями та вигадками дискредитує героїв, принижує їх подвиг.

Зображення патріотичного підйому у перші дні війни, бажання взяти участь у швидкому розгромі ворога, поступово змінюються у творі С. І. Кривошеїна картинами авіаційних нальотів, поспішною евакуацією промислового обладнання, сировини, продовольчих запасів і людських ресурсів на схід країни. Мемуари показують невідповідність обласного і міського керівництва до рішення багатьох питань в умовах швидкого наступу ворожих військ. Так, необхідність підготовки до активної оборони міста та відсутність у ньому військових частин активізували формування загонів народного ополчення, після чого виявилось, що зброя для них відсутня і проти передових частин вермахту ополченням було запропоновано озброїтися саморобними списами. Практично, далі розмов не пішла спроба організації партійного підпілля тощо.

Спогади С. І. Кривошеїна, звичайно ж, не уникли однієї з ключових особливостей мемуарної літератури – суб'єктивної оцінки власної особи, її ролі в описуваних подіях. Одна справа – на початку 1970-х років критично зображати дії (чи бездіяльність) керівництва області у 1941 році, і зовсім інша – визнати недоліки власної роботи. Звідси, наприклад, пасажі щодо забезпечення керівництвом міста можливості стовідсоткової евакуації населення Херсона; залишилися ж у місті, за твердженням автора, тільки ті, хто не бажав тоді евакуюватися. Але, як вже неодноразово відзначено джерелознавцями, суб'єктивізм мемуариста є об'єктивною реальністю мемуаристики, її невід'ємним складником. Спогади –

це не просто фіксування подій минулого, це і сповідь, і виправдання, і звинувачення, і роздуми особи. Це не недолік, а властивість спогадів.

Важливим доповненням до мемуарів С. І. Кривошеїна є публікація фотодокументів держархіву області, що відображають передвоєнний Херсон і несуть самостійне смислове навантаження. Є серед них і фото 1940 року самого С. І. Кривошеїна.

Інші, представлені у добірці мемуарні твори, об'єднані спільною тематикою – оборонні бої на Херсонщині у серпні-вересні 1941 року, та спільним походженням – від безпосередніх учасників цих боїв.

У початковий період війни на Херсонщині гітлерівським військам протистояли війська Південного фронту в складі 9-ї та 18-ї армій, морські та сухопутні частини Дунайської воєнної флотилії (ДВФ або ДуФ). Ведучи важкі бої, війська відходили до переправ, 9-та армія – на Південний Буг, 18-та армія – на Інгул. На 13 серпня 16-та танкова дивізія СС “Адольф Гітлер” прорвалася в тил наших військ, намагаючись оточити їх на північному сході від Миколаєва. Саме тому, за свідченням С. І. Кривошеїна, 14 серпня міське керівництво було перший раз евакуйоване із Херсона. Але на світанку 14 серпня 9-та і 18-та армії нанесли контрудар по противнику у напрямку Снігурівки і, відірвавшись від ворога, рушили до Дніпра. 15 серпня війська 9-ї армії ввійшли в Херсон та почали переправу на лівий берег. На території Херсонщини крупних бойових дій не було. Але важка ситуація склалася на переправах в районі Берислав-Каховка та Херсон, де гітлерівці намагалися перешкодити відходу радянських військ за Дніпро. Організацію переправи військ впродовж 15-18 серпня у Херсоні висвітлив С. І. Кривошеїн. Спогади колишнього начальника радіостанції 45-го окремого полку зв'язку 9-ї армії Вітенка Євгена Даниловича відображають події на бериславській переправі.

Буквально “на плечах” наших солдат гітлерівські війська через бериславську переправу намагалися прорватися на лівий берег, утворити Каховський плацдарм, забезпечивши таким чином умови для форсування Дніпра основними силами. Тож бої під Каховкою мали завадити досягненню стратегічних цілей противника, дати час радянським військам перегрупуватися. Ці бої показані у спогадах гвардії полковника Устименка Якова Савича, колишнього секретаря партійної комісії при політвідділі 51-ї Перекопської стрілецької дивізії 9-ї армії.

9 вересня гітлерівці прорвали фронт на Каховському плацдармі і до середини вересня окупували північний схід Херсонщини, включаючи Генічеськ (16 вересня). Далі гітлерівські війська розгорнули наступи на Мелітополь та на Крим. Для захисту Кримського півострова з боку Арабатської Стрілки в районі Генгорки була збудована 127-ма окрема артилерійська батарея Чорноморського флоту. Бойові дії морської артилерійської батареї розкриті у спогадах полковника Вейцмана Наума Ісаковича, колишнього комісара батареї та в спогадах старшини 1-ї статті Зимовця М. Р, колишнього комендатора-наводчика 127-ї артилерійської батареї Чорноморського флоту. Ворог не зміг розгромити батарею, вона вистояла до 24 вересня, коли через Перекоп і Чонгар гітлерівські війська вже ввійшли в Крим, і була підірвана власними захисниками.

Більшість, оприлюднених у добірці творів, написали ветерани Дунайської воєнної флотилії. ДуФ була створена 27 червня 1940 року та базувалася в Ізмаїлі. Але в липні 1941 року, у зв'язку з відступом сухопутних військ, ДуФ була перебазована в Миколаїв. Після відходу 9-ї армії було віддано наказ про прорив флотилією у ніч на 15 серпня в гирло Дніпра до Херсону. Саме моряки та сухопутні формування Дунайської воєнної флотилії під прикриттям кораблів обороняли Херсон до його окупації 19 серпня 1941 року. В цей же день була створена Тендрівська бойова ділянка (рос. – ТБУ) Чорноморського флоту, що мало важливе значення для укріплення оборони Одеси.

Дії Дунайської воєнної флотилії впродовж серпня-вересня 1941 року докладно відображені в спогадах контр-адмірала Жукова Якова Карповича, який у боях 1941 року на Херсонщині був молодшим політруком, помічником начальника політвідділу ДуФ з комсомольської роботи. Їх доповнюють спогади капітана 2-го рангу Кузнецова Анатолія Герасимовича, колишнього командира артилерійської бойової частини монітору¹ “Мартинов”, потім монітору “Железняков” ДуФ; старшини 2-ї статті Березовського Олександра Олександровича, колишнього командира відділення радистів штабного корабля “Буг”, потім монітору “Ударний” ДуФ; старшини 1-ї статті Молоткова Володимира Петровича, спеціаліста прихованого зв’язку.

Дослідниками неодноразово відмічено, що спогади учасників Великої Вітчизняної війни несуть печать соціального і політичного замовлення та цільової установки. Їм притаманна героїзація минулого, ідеалізація війни, коригування власної пам’яті штабними документами тощо. Подібні властивості радянських воєнних мемуарів у повній мірі позначилися на намаганні міфологізувати історію ДуФ, викресливши із неї, а відповідно і зі спогадів дунайців, ім’я видатного але опального командира монітору “Железняков” Маринушкіна Олександра Семеновича. Знадобилися довгі роки наполегливих досліджень, співставлень документів та багаточисельних свідчень самовидців і учасників тих подій, щоб через десятки років відновити справжню історію легендарного монітора та його героїчного екіпажу.

Спогади учасників бойових дій на Херсонщині в роки Великої Вітчизняної війни були цілеспрямовано зібрані працівниками партархіву, тож увійшли до фонду *П-3562 Партійний архів Херсонського обласного комітету Компартії України*. З них лише невелика частка висвітлює події початкового етапу Великої Вітчизняної війни, на що звернув увагу у своїх спогадах Є. Д. Вітенко. Мемуари неодноразово використовувалися в публікаціях. У 1985 та 1989 роках у видавництві “Таврія” (Сімферополь) вийшло два видання збірника “Пламя над степью”, який містить під прізвищами авторів спогадів часто занадто вільний їх переказ. Спогади ветеранів Великої Вітчизняної війни збирали й краєзнавці. Тому в добірці оприлюднені з фонду *Р-4009 Краєзнавці Херсонщини* воєнні мемуари, зібрані Закір’яном Ідіятовичем Насібулїним (*оп. 2*) та Беатрисою Юхимівною Зецер (*оп. 4*). У документах Б. Ю. Зецер знаходяться також видання², що містять докладний аналіз, опублікованих у добірці, спогадів дунайців.

Тексти документів публікуються мовою оригіналу із збереженням особливостей стилістики та орфографії. Пропущені слова доповнено у квадратних дужках. У документах випущено текст, що не стосується теми, повторює зміст попереднього документа, або містить другорядні деталі, що заважають сприйняттю тексту. Неповнота документів обумовлена в заголовках та позначена крапками. Кожен документ має посилання на номер фонду, опису, справи, аркуша. Кожен фотодокумент має анотацію – назву, дату та пошукові дані.

¹ Монітор (англ. – контролюючий) – відноситься до класу низькобортних броньованих кораблів з малою осадкою, призначених для нанесення артилерійських ударів по береговим об’єктам, військам і воєнній техніці противника, знищення ворожих кораблів в прибережних районах та на ріках. Назва класу походить від власної назви першого корабля, збудованого в США в роки громадянської війни між Північчю та Півднем. В СРСР монітори були збудовані на київському заводі “Ленінська кузня” впродовж 1930-х років для ведення бойових дій на ріках у випадку війни з Польщею.

² Алексеев И., Маринушкина В. Хроника монитора “ЖЕЛЕЗНЯКОВ”. Хроникально-документальная повесть. – К.: Дія, 2000. – 284 с.; Зецер Б. Е. 41 день на Херсонщине. Дунайская флотилия. – Херсон : “Штрих+”, 2010. – 155 с.

Зі спогадів С. І. Кривошеїна «З ПРОЖИТОГО ТА ПЕРЕЖИТОГО»

Часть третья ГОДЫ ВОЕННЫЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Некоторые авторы художественных произведений, журналисты и мемуаристы при описании событий в гор. Херсоне первого периода Великой Отечественной войны, по 20 августа 1941 года допускают много неточностей, необъективное изложение некоторых фактов и элементы субъективизма.

Допускается извращение исторической правдивости отдельных событий и фактов, относящихся к периоду подготовки города к обороне, оборонительных боев в городе с немецко-фашистской армией, об эвакуации города, создании подпольных организаций и партизанского отряда.

Участник обороны города Херсона Локтионов И. И. в своих воспоминаниях “Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне”, изданных Воениздатом в 1962 году, наряду со многими хорошо и правдиво описанными фактами участия Дунайской флотилии в обороне Херсона допустил много вымысла и неточностей.

Локтионов И. И. пишет о том, как “немецко-фашистские войска в составе пяти полков мотопехоты, поддерживаемые несколькими батареями тяжелых орудий и до сотни танков, “волна за волной” обрушивались на защитников города Херсона”.

“Отбита одна атака, вторая, третья. В течение дня было отбито более 15 атак фашистов”. И дальше: “...фашисты прорвались в порт и к элеватору. Установив батарею тяжелых орудий они бьют в упор по кораблям прикрытия”, т.д. и т.д.

Я сам участник Великой Отечественной войны, приходилось и мне самому ходить в атаку и отбивать атаки. Я ни на йоту никогда не сомневался в наличии высокого чувства патриотизма и преданности Родине защитников города и готовности их при необходимости отбивать по 15 атак в день. История Великой Отечественной войны пом-

нит множество таких и еще более героических подвигов наших воинов. Да иначе и не была бы выиграна нами Отечественная война.

Но все дело в том, что тогда, когда товарищ Локтионов И. И. так лихо отбивал атаки, я в числе других товарищей в это время находился в здании горкома партии, что рядом с портом, и был там до последнего часа оставления нами города, в том числе и моряками флотилии.

Мы имели непрерывную связь с командным пунктом командующего обороной города, он нас все время информировал о положении на оборонительных рубежах. Ни он, ни мы не видели прорывавшихся в порт немецких тяжелых орудий, хотя находились буквально рядом с портом. Не знаем мы и об отражении по 15 фашистских атак в день. Мягко выражаясь, И. И. Локтионов тут основательно загнул.

В другом месте, Локтионов И. И. наш городской истребительный отряд увеличил в численности больше, чем в четыре раза. (Выдержки из произведения Локтионова И. И. выписаны из материалов партархива Херсонского обкома партии).

В книге “Тучи над городом”, автор ее Гавруто, пишет о том, как тщательно готовилось создание Херсонского партизанского отряда, как подготавливались базы отряда, склады оружия, устанавливались явки и прочее. Тут он связывает Ладычука А. К. с руководителем молодежного подполья И. Куликом и говорит о выполнении последним ряда заданий Ладычука А. К., относящихся к созданию партизанского отряда и подполья в городе.

Это не соответствует действительности. Партизанский отряд создан только 20 августа 1941 года в гор. Цюрупинске, в основном из Херсонского городского актива, не призванных в Красную Армию как невоеннообязанных, и некоторых товарищей

военнообязанных, пожелавших быть зачисленными в отряд.

До этого дня, 20 августа, сам Ладычук А. К. не знал, что он будет в составе этого отряда и начальником его штаба. Как решался этот вопрос, я пишу дальше в своих воспоминаниях.

Именно отсутствием необходимых баз, недостаточностью продовольственных запасов, оружия и снаряжения, а также неподготовленностью в организационном отношении, очевидно и следует объяснять неудачи отряда, непродолжительное его существование и трагический конец.

Не был связан А. К. Ладычук и с И. Куликом и, естественно, не мог давать ему никаких заданий.

Бесцеремонно обращается Гавруто и с героями своего произведения. Горвоенкома Кириллова И. Е. Гавруто представляет высоким, стройным офицером, быстрым в принимаемых решениях и т.д. Как раз Иван Евграфович Кириллов был и не высоким и не стройным. Ниже среднего роста, немного сутуловатый и медлительный в разговоре и движениях. Как видите, прямая противоположность. Но это не мешало Ивану Евграфовичу быть большой души человеком, волевым офицером и хорошим организатором. В гражданскую войну И. Е. Кириллов командовал батальоном. За проявленный героизм и подвиг при разгроме врангелевцев на Чонгарском полуострове в 1920 году Иван Евграфович был награжден орденом Красного Знамени.

Не знаю, что бы потерял облик И. Е. Кириллова, если бы он был описан правдиво и почему хорошие, волевые, храбрые офицеры должны обязательно быть высокими, стройными и красивыми. Кому нужна эта красивость!

Или вот такое: Александр Карпович Ладычук, придя домой с работы, взял на руки сына Бориса и, играя с ним, подбрасывал его до потолка. Если у товарища Гавруто есть девятигодовалый сын или внук, пусть попробует он, играя с ним, подбрасывать его до потолка. Я бы хотел посмотреть, как это у него получится.

Я не привожу тут целого ряда других искажений, неточностей и необъективности в описании отдельных эпизодов, фактов и

действующих лиц, которых в книге Гавруто немало.

Иные авторы, при описании событий этого времени, упрощают обстановку, пригибают значимость проводимых мероприятий, недооценивают роль народного ополчения и истребительного батальона в обороне города. Кое-кто склонен принизить и недооценивать деятельность в этот период городских организаций и отдельных их руководителей.

Художественный вымысел – это право автора. Но при описании подлинных исторических событий и фактов, при описании действий и даже внешнего облика лиц, участвовавших в этих событиях, тем более, называя их подлинными именами и фамилиями, я полагаю, надо быть правдивым и со всей ответственностью относиться к своему произведению.

Все это история нашего народа, история государства и авторы различных произведений, претендующих на историчность, обязаны быть предельно правдивыми. <...>

До Великой Отечественной войны и по 19 августа 1941 года я работал заведующим военным отделом Херсонского горкома КП/б/У. По долгу службы я общался с материалами, имевшими отношение к оборонным мероприятиям в городе, участвовал в их разработке. С первых дней войны принимал непосредственное участие в проведении в жизнь этих мероприятий. Был в городе Херсоне до 16 часов, 19 августа 1941 года и в числе последних покинул город.

Выполняя свои служебные обязанности, я был участником или свидетелем всех событий от первого дня объявления войны до оставления города. Естественно, я не могу безразлично и спокойно относиться к фактам такого свободного толкования и изложения известных мне событий и искажениям исторической их правдивости.

Можно говорить о последовательности и полноте описания, яркости изображения и наконец, о грамотности изложения моих воспоминаний. Но все то, что в них написано, так было в действительности.

Мне кажется, что при описании событий и фактов того периода нет смысла укрывать их отдельными героическими эпизодами, которых не было в действительности,

так же, как и нет необходимости недооценивать большой работы, проводимой городской партийной организацией, выполнения своего долга и ратных подвигов защитников города и деятельности партизанского отряда. Многие из наших товарищей ценой своей жизни и пролитой крови, утвердили право на признание их заслуг перед Родиной и благодарность народа.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Все мы знали, что война неизбежна. Капиталистическое окружение единственной в мире страны социализма заставляло нас быть настороженными и всегда готовыми к отражению нападения. Победа фашизма в Германии, завоевания Гитлера в Центральной и Западной Европе создавали непосредственную угрозу нашим западным границам. И, тем не менее, как то не верилось, что война возникнет так неожиданно, что враг проявит такое коварство, хотя от фашизма иного нельзя было и ожидать.

Если до войны о нашей мобилизационной готовности мы судили по разработанным планам и периодически проводимым учениям, то теперь пришлось свою готовность проявлять уже на деле. Я в это время работал заведующим военным отделом Херсонского горкома КП/б/У и в силу своих служебных обязанностей мне приходилось стоять близко ко всем вопросам, относящимся к отмобилизованию и всем другим мероприятиям, связанным с подготовкой города к обороне и потом его эвакуации.

Развертывание по городу призывных пунктов, отмобилизование транспорта, перевод городских предприятий на работу по планам военного времени, формирование госпиталей в заранее предусмотренных и частично уже подготовленных помещениях школ и гостиниц и другие мероприятия, предусмотренные планом мобилизационной готовности города, проходили нормально, как и было это предусмотрено.

В городе чувствовался огромный патристический подъем, собранность и, я бы сказал, исключительная деловитость и исполнительность. В горком партии непрерывно поступали информации от партийных организаций предприятий, учреждений и

учебных заведений о проводимых там митингах и собраниях. 23 июня горком партии докладывал обкому, что на проведенных митингах присутствовало свыше 28 тысяч трудящихся.

Выступления на митингах старых кадровиков – рабочих, участников гражданской войны были проникнуты высоким патриотизмом. Многие из них заявили о готовности идти в ряды Красной Армии, на защиту Родины, хотя их возраст и не подлежал мобилизации.

На второй день войны полным ходом заработали призывные пункты, военнообязанные явились на пункты организованно, в установленное для них время и в полной готовности. На пункты приходило много добровольцев из числа невоеннообязанных с просьбой о зачислении их в ряды Красной Армии. На призывной пункт в школе № 3 (теперь школа № 28) пришли три брата Чубины, во главе со старшим – Евгением Ивановичем, коммунистом Ленинского набора. Все три брата работали шоферами, просили призвать их в танковые войска и создать танковый экипаж Чубиных.

Многие девушки приходили на призывные пункты и в горком Красного Креста с просьбой направить их на обучение специальности медицинских сестер для службы в Красной Армии

Настроение было приподнятым, призванные прощались с друзьями и знакомыми до встречи в Берлине. Конечно, тогда никому и в голову не приходило, что война будет столь тяжелой и затяжной, и до встречи в Берлине понадобится четыре года невероятного по своей тяжести ратного труда, самоотверженности всего советского народа и миллионов жизней наших людей. Тогда это все представлялось куда проще.

Во всех общественных местах работали пропагандисты, агитаторы, разъясняли военную обстановку и нависшую над нашей страной угрозу, призывали к самоотверженному труду и бдительности, к активной борьбе с возможным проникновением диверсантов и поднимающими головы недобитыми остатками всякой контрреволюции и бандитизма.

Не обходилось и без курьезов в деле проявления бдительности. Вместе с горво-

енкомом тов. Кирилловым И. Е. мы проверяли работу призывного пункта в школе № 3. Во дворе школы собралась большая группа призывников, возбужденно шумели и угрожающе жестикулировали. Мы подошли осведомиться, в чем дело? Говорят, что задержали человека, похожего на шпиона, который подозрительно присматривался ко всему. Когда мы с Кирилловым И. Е. рассмеялись, все пришли в недоумение. Пришлось разъяснить, что их “шпион” в действительности – пропагандист из завода им. Коминтерна, по фамилии Сотниченко, в очках-пенсне он потому, что близорукий, носил черную шинель, оставшуюся еще от службы на флоте, а вообще он очень скромный человек. В заключении Сотниченко для всех собравшихся прочитал доклад о текущих событиях.

ГОРОД БОМБЯТ. ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

Положение на фронтах становилось все более тревожным. Появились направления: Ленинградское, Смоленское, Новоград-Вольнское и другие. Само их название говорило о том, что война идет на нашей, советской территории. А ведь говорили, что врага будем бить на его территории.

Дыхание войны все отчетливее ощущалось и у нас, в Херсоне. Прибывали эшелоны раненых для размещения в Херсонских госпиталях. Из Одессы прибывали госпитальные суда, тут разгружались и уходили обратно.

Как-то позвонили в горком партии из речного порта, сообщили о прибытии госпитального судна и просили помочь вытащить из корабля застрявшую и неразорвавшуюся авиабомбу с немецкого самолета. Оказывается, в море, на переходе от Одессы до Очакова за нашим госпитальным судном увязался фашистский штурмовик. Несмотря на то, что на судне были отчетливо видны знаки Красного Креста, говорящие о назначении судна, самолет сделал несколько заходов, сбросил бомбы и одна из них попала в судно, не разорвалась и застряла в палубных переборках. На последующих заходах, немецкий самолет расстреливал безоружное судно из пулеметов. Видя безнаказанность, фашистский летчик настолько обнаглел, что

последний свой заход на бреющем полете сделал так низко, что зацепил крылом мачту судна, сломал ее, а сам рухнул в воду рядом с судном. Вот так закончилась схватка фашистского аса с невооруженным нашим госпитальным судном. Так, с поломанной мачтой и с неразорвавшейся немецкой авиабомбой в одной из кают, судно прибыло в Херсонский порт. На судне оказался один человек убитым из числа раненых и несколько человек раненых пулеметным огнем фашистского стервятника. Авиабомба была удачно извлечена и увезена, госпитали приняли прибывших раненых, и судно отправилось в обратный рейс.

Все чаще над Херсоном стали появляться немецкие самолеты, сначала разведчики, а потом и бомбардировщики. Начались бомбежки города. Объектами бомбежек в основном были порт и железнодорожный узел. Мы боялись, чтобы не разбомбили емкости с горючим на нефтеперерабатывающем заводе и на нефтегавани. Все емкости были заполнены горючими нефтепродуктами и, поскольку нефтезавод прекратил свою работу в связи с демонтажем и эвакуацией оборудования, все находившееся там горючее передано было в распоряжение военного командования. Однако, за все время бомбежки, на эти объекты не было сброшено ни одной бомбы. Для нас стало ясным, что немцы решили сохранить запасы горючего до своего прихода.

Наиболее ожесточенно фашисты бомбили морской и речной порты. Один из налетов совпал с прибытием в порт из Одессы госпитального судна, которое уже подходило к причалу для швартовки. Одна из сброшенных авиабомб угодила в воду между причалом и судном, взрывом помяло палубные надстройки судна и несколько повредило причал, но обошлось без жертв.

Однако не всегда обходилось так счастливо, без жертв. В одну из бомбежек авиабомба упала посередине улицы Коммунаров чуть ниже пересечения улицы Пограничной. На улице Коммунаров был продовольственный магазин и в это время там раздавали запасы муки. Собралась большая очередь людей и рядом с этой очередью упала авиабомба. Все находившиеся в очереди и в магазине люди погибли.

Против магазина, на другой стороне улицы в одноэтажном домике размещался отдел водной милиции. Домик этот был разрушен, а находившиеся там работники милиции погибли.

Мы прибыли на место взрыва буквально через несколько минут после катастрофы. Картина была жуткая. Посреди улицы зияла громадная воронка от взрыва, откуда хлестала вода из прорванной водопроводной магистрали. На месте магазина, на крышах соседних домов, на деревьях и по улице – везде были рваные части трупов, пострадавших, среди которых было большинство женщин и детей, а было их значительно больше сотни человек.

Это были первые жертвы фашистского варварства в таком крупном количестве ни в чем не повинных людей – жителей Херсона.

Находились мы в здании горкома партии, где теперь размещен детский сад, против горсовета. Нам слышны были завывающие звуки немецких самолетов, заходящих на бомбежку, выстрелы и разрывы снарядов нашей зенитной противовоздушной обороны, а потом взрывы авиабомб, и визг разлетающихся осколков и обрывков рельс и портовых сооружений. Прибыв в порт, подразделения местной противовоздушной обороны города устраняли повреждения, тушили возникшие пожары, разбирали завалы и приводили порт в рабочее состояние. То же самое было и на железнодорожном узле.

Командовал местной противовоздушной обороной города председатель горсовета тов. Ладычук Александр Карпович. Его командный пункт располагался в специально оборудованном помещении в подвалах дома № 16 по улице Октябрьской революции, угол Комсомольской.

Там же размещалось руководство всеми службами местной противовоздушной обороны. Штаб имел хорошо организованную связь со всеми наиболее важными объектами во всех районах города. Действовали все службы четко и организовано и поэтому все повреждения городских коммуникаций, вызванные бомбежками фашистской авиации, устранялись быстро и организованно. Все городское хозяйство сохраняло рабочее состояние до самого момента оставления города нашими войсками.

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ И ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЙ БАТАЛЬОН

После получения директивы Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП/б/ всем партийным и советским организациям прифронтовых областей, изданной 29 июня 1941 года, и обращения ЦК ВКП/б/ и Сталина И. В. к народу 3 июля 1941 года, стало очевидным – необходимость подготовки к активной обороне города.

В первой половине июля месяца горком партии принял решение о создании на предприятиях города подразделений народного ополчения. На рабочих собраниях и митингах городских предприятий выступали ответственные работники горкома партии и горсовета, разъясняли директиву Совнаркома и ЦК ВКП/б/, и обращение ЦК ВКП/б/ и Сталина И. В. к народу, а также решение горкома партии о создании подразделений народного ополчения. Мне довелось выступать на собраниях обувной фабрики и консервного завода им. 8 Марта.

Создание народного ополчения в городе проходило активно и быстрыми темпами. Организационная работа по формированию подразделений и учет их возлагались на горвоенкомат.

На крупных предприятиях созданные подразделения быстро увеличивались количественно, превращались в роты, батальоны. На заводе им. Петровского насчитывалось до 1 300 человек народных ополченцев, из них до 150 человек коммунистов. Батальоны народного ополчения были созданы на заводе им. Коминтерна, нефтезаводе, морском порту, мотороремонтном заводе (ныне завод карданных валов) и других предприятиях.

Всего к концу июля в городе было создано 22 батальона народного ополчения, в которых насчитывалось 7 894 человека, из них 1 024 человека коммунистов, 1 322 комсомольцев и 2 476 женщин. (Справка Николаевского обкома партии находится в партактиве Херсонского обкома).

26 июля 1941 года создание и формирование отрядов народного ополчения было узаконено приказом старшего войскового начальника Николаевской области контр-

адмирала Кулешова и облвоенкома полковника Бороденко.

В приказе говорилось: “В связи с возможностью формирования из граждан, записавшихся в ряды народного ополчения, отдельной части, приказываю: в городе Херсоне сформировать отряды народного ополчения”.

Этим же приказом командиром отрядов народного ополчения назначен председатель Херсонского горсовета Ладычук А. К. и комиссаром – секретарь по кадрам горкома КП/б/У – Дмитриев Александр Евстафьевич. Начальником штабов народного ополчения назначен работник горвоенкомата капитан Николаев.

В приказе были определены обязанности горвоенкомата по подбору командиров подразделений, организации обучения ополченцев и отчетности о ходе формирования.

При создании народного ополчения предполагалось вооружить ополченцев стрелковым оружием, сформировать подразделения по армейскому образцу, организовать боевую подготовку и готовиться к активной обороне города. Оружия для вооружения такого количества ополченцев в городе не оказалось. Все оружие, имевшееся на складах горвоенкомата, передано было сформированным в городе Херсоне частям Красной Арии.

В городском отделе милиции имелось небольшое количество различного стрелкового оружия: винтовки, карабины, пистолеты и несколько ручных пулеметов, в основном, иностранных систем. Запас патронов к ним тоже был невелик. Это оружие, оставшееся у населения с времен гражданской войны, в разное время было сдано в органы милиции, а частично было из числа изъятого при ликвидации разных банд и у уголовных элементов. Этого оружия хватало на вооружение одного батальона, да и то не полного состава.

По вопросу вооружения подразделений сформированного народного ополчения командир его Ладычук А. К. выезжал в Николаевский обком партии и облисполком, я разговаривал с заведующим военным отделом обкома партии Чегодаревым, секретарь горкома партии тов. Козачек и горвоенком Кириллов И. Е. связывались с командовани-

ем округа, однако добыть оружие так и не удалось. Товарищи из обкома партии и облисполкома заявили, что оружием они не располагают и, так же как и мы, не могут вооружить ополченцев областного центра.

Выступая на городском собрании партийного актива как представитель Одесского Военного Округа, контр-адмирал Кулешов рекомендовал приступить к изготовлению своими силами холодного оружия вроде пик, бутылок с горючей смесью, взрыв-пакетов и прочее. Такие же рекомендации мы получали и от областного руководства.

Все мы хорошо понимали насколько бессмысленно при наличии такого вооружения вступать в борьбу с немецко-фашистскими армейскими частями, вооруженными современным боевым оружием и военной техникой. Поэтому изготовление на месте рекомендованного нам вооружения у нас, в Херсоне не нашло развития.

Когда стало очевидным, что народное ополчение вооружить не удастся, было решено выделить из числа народных ополченцев наиболее боеспособных и подготовленных и сформировать один истребительный батальон, вооружить его имевшимся в городе оружием. Все остальные формирования народного ополчения использовать на сооружении оборонительных рубежей, выполнении заданий, связанных с демонтажем и эвакуацией оборудования промышленных предприятий вглубь страны, и на охране общественного порядка в городе.

Забегая несколько вперед, скажу, что позже, по указанию областных организаций, часть подразделений народного ополчения была направлена в город Николаев для участия в работах по сооружению оборонительных рубежей вокруг Николаева. Там они оставались до подхода к Николаеву немецкой армии и потом с трудом выходили из грозившего им окружения.

Примерно дня за два, из числа отобранных партийными организациями ополченцев был сформирован и укомплектован истребительный батальон. Формирование батальона было поручено горвоенкому, полковнику Кириллову И. Е. и мне как заведующему военным отделом горкома партии. Поэтому некоторые товарищи считают и пишут в своих воспоминаниях, что коман-

диром истребительного батальона был горвоенком, полковник Кириллов И. Е., а его комиссаром я, Кривошеин С. И. После формирования, командиром истребительного батальона был назначен офицер запаса из числа участников финской войны Дворецкий. По состоянию здоровья он не был призван в Красную Армию. Комиссаром батальона назначен офицер запаса Каратасов И.

Личный состав истребительного батальона насчитывал до 500 человек, однако вооружить удалось за счет имеющего на складе горотдела милиции стрелкового оружия, о котором я говорил выше, всего человек 250.

Истребительный батальон разместили в здании школы № 14 по улице Михайловича, где он и размещался до эвакуации из гор. Херсона. За его боевой подготовкой и выполнением батальоном заданий от горкома партии наблюдал инструктор военного отдела горкома Малютин Александр Савельевич. О выполнении отдельных боевых заданий истребительным батальоном я буду говорить ниже.

ЭВАКУАЦИЯ

Неудачи советских войск на фронтах Отечественной войны и стремительное продвижение фашистской немецкой армии вглубь нашей страны, несмотря на ожесточенное сопротивление Красной Армии, со всей очевидностью давали основания полагать, что война докатится и до нашего города.

Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП/б/ своей директивой от 29 июня 1941 года и ЦК КП/б/У в обращении к трудящимся Украины от 6 июля 1941 года требовали, чтобы не оставлять врагу никакого ценного имущества, а все то, что не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

Областные партийные и советские органы торопили нас с демонтажем оборудования промышленных предприятий и эвакуацией всего ценного имущества в глубокие тылы, за Волгу. Вместе с заводским оборудованием должны были эвакуироваться и рабочие этих предприятий вместе со своими семьями. Все неподлежащее эвакуа-

ции оборудование и промышленные сооружения – приводить в непригодное для эксплуатации состояние.

Все ответственные работники горкома партии и горсовета были закреплены за отдельными предприятиями для оказания помощи в организации работ по демонтажу оборудования, его эвакуации и приведение в негодность всего остающегося.

Исключение составляли такие объекты как хлебозавод, водопровод и электростанция, призванные обеспечивать жизненные потребности остающегося населения города. Эти предприятия должны были оставаться в исправности, на ходу.

Все запасы продовольственных и промышленно-бытовых товаров на складах предприятий и в торговле, которые оставались не вывезенными в тылы и не реализованы населению, надлежало перед оставлением города раздать бесплатно остающемуся в городе населению.

Чтобы не возвращаться к этому вопросу, коротко опишу ход событий до последнего дня эвакуации.

Демонтаж и эвакуация промышленного оборудования проходили нормально, в пределах намеченных планов и поставленные задания в этой части были выполнены полностью.

Нефтеперерабатывающий завод был полностью демонтирован и вывезен в гор. Сызрань, где из трех эвакуированных заводов: Херсонского, Одесского и Мариупольского, был смонтирован крупный нефтеперерабатывающий завод.

Оборудование завода им. Коминтерна было эвакуировано вместе с людьми частично в г. Тюмень, а частично в гор. Бор, Горьковской области, где они влились в существующие там родственные предприятия.

В глубокие тылы эвакуированы были заводы имени Петровского, мотороремонтный и другие предприятия. Консервные заводы были эвакуированы в гор. Харабали Сталинградской области, на левом берегу Волги, где продолжали работать все годы войны.

Тяжелее было с приведением в негодность остающегося оборудования, производственных сооружений и уничтожение не эвакуированных материальных ценностей. У

рабочих не поднимались руки уничтожать наше народное добро, нажитое с таким трудом или созданное своими собственными руками.

Стоило больших трудов убеждать, что все это необходимо делать для того, чтобы не оставить врагу ничего такого, что могло быть использовано против нас, против нашего государства.

На заводе им. Петровского оставалось большое количество изготовленных корпусов для авиабомб и ручных гранат. Все эти запасы вывозились на железнодорожных платформах в район Антоновского моста через Днепр и автомашинами в район портового элеватора и там сбрасывались в Днепр.

На откормочной базе мясокомбината, возле нефтезавода собралось большое количество скота – коров, молодняка, овец, свиней. После того, как отступающие части Красной Армии взяли необходимое для своих нужд количество скота, ворота скотских загонов были открыты и окружающему населению было предложено разобрать оставшийся скот.

На городском хлебозаводе по улице Рабочей и на мельнице № 7, что была против хлебозавода, в последний день перед оставлением города были открыты склады и предложено населению разобрать оставшиеся на складах запасы муки.

Из складов консервных заводов роздали населению оставшиеся там запасы консервной продукции.

Все оставшееся зерно на складах портового элеватора в последний день было выпущено в Днепр, а частично затоплено водой в складах. Оставшиеся не эвакуированными жители города потом рассказывали, что немцы извлекали из воды это зерно, перерабатывали на муку и хлебом из этой муки кормили население города. Все, что оставалось пригодным для питания они увозили в Германию.

По поручению горкома партии мне довелось организовывать уничтожение складов на территории морского порта. В складах оставалось порядочное количество военного обмундирования и снаряжения, которое не успели выбрать проходившие воинские части. Когда уже некому было от-

давать содержимое складов, все это облили бензином и подожгли.

В последний день, 19 августа, когда все отступающие войска 9-й армии были переправлены на левый берег Днепра, а фашистская армия подходила к городу, были подорваны и подожжены все цистерны и другие емкости с нефтепродуктами на нефтеперерабатывающем заводе. Громадная, черная туча дыма заволокла город. Горящие потоки нефтепродуктов хлынули по Молочной балке в направлении реки Кошевой. Страшное было зрелище.

Не знаю, по чьей вине или упущению резервуары с нефтепродуктами на нефтегавани оставались не уничтоженными. Обстановка сложилась такова, что немцы заняли уже старые здания сельхозинститута (ныне школа-интернат № 2), вокзал и завод им. Сталина. Нам уже пора было уходить из города, а нефтегавань не уничтожена. Обратились за помощью к военным морякам и те из Голой Пристани артиллерийским огнем расстреляли резервуары нефтегавани и подожгли нефтепродукты.

Здание речного вокзала (оно было деревянным) со всем портовым оборудованием поручалось поджечь и уничтожить начальнику речного порта Литвиненко, который на своем катере должен был последним покинуть порт. Как оказалось потом, Литвиненко по прибытию в Цюрупинск доложил, что сделать этого, вернее, поджечь здание пристани он не смог, так как руки не поднимались жечь такое красивое здание. Это сделали фашисты в 1944 году, когда под натиском Красной Армии удирали из Херсона.

Один из складов Херсонторга использовали для хранения радиоприемников, временно изъятых у населения в связи с войной. Вывезти эти радиоприемники не удалось, а чтобы не оставлять их немцам в склад бросили несколько ручных гранат и он сгорел вместе с радиоприемниками.

Не обходилось и без курьезов в проведении этих мероприятий. На заводе им. Петровского задержали председателя горплана Мейлиха М. И., выполнявшего задание горсовета и под конвоем привели в заводоуправление. Секретарю горкома партии Гаевому Е. В., который руководил организацией эвакуации и уничтожением остав-

шегося оборудования, пришлось убеждать конвоиров, что задержанный не является диверсантом. Были подобные случаи и на других предприятиях.

При эвакуации вглубь страны промышленного оборудования, эвакуировалась и основная, наиболее квалифицированная часть рабочих и инженерно-технических работников этих предприятий со своими семьями. Это относилось к тем, кто не подлежал призыву в Красную Армию.

Предоставлялась возможность эвакуироваться из города Херсона всем желающим. Весь отправляющийся со станции Херсон порожняк вагонов и груженные оборудованием платформы заполнялись желающими выехать из города. И так до последнего времени, когда фашистскими войсками была перерезана дорога Херсон–Снигиревка.

На левый берег Днепра перевозили всех желающих эвакуироваться всеми средствами транспорта, имеющегося в распоряжении речного порта до последнего дня оставления города. Из Цюрупинска эвакуированные перебирались на станции Пойму или в Раденск и оттуда по железной дороге увозились вглубь страны.

Оказывалась помощь в эвакуации семей коммунистов, служивших в Красной Армии и пенсионеров. Не помню ни одного случая, чтобы отказали в выдаче эвакуационного удостоверения и оказании помощи в эвакуации лицам, желающим выехать из города. Все толки противного порядка не соответствуют действительности и просто являются попыткой некоторых лиц оправдать нежелание тогда эвакуироваться. Если и были отдельные случаи, что не смогли эвакуироваться, то их следует отнести за счет неувязок при решении этих вопросов на своих предприятиях.

Стал вопрос об эвакуации наших семей. Я имею в виду семьи ответственных работников горкома партии и горсовета. Когда и куда их вывозить. Долго по этому поводу консультировались в областных организациях. Не торопились это делать, чтобы не вызывать паники и нездоровых настроений в городе.

Примерно, числа 6 августа нам стало известно, что, из Николаева уже эвакуировали семьи ответственных работников областных и городских организаций. Обком партии обратил внимание нашего горкома на медлительность в этом вопросе.

7 августа я вместе с тов. Мейлихом М. И. пошли к начальнику железнодорожной станции тов. Лопате договориться на счет вагонов для эвакуации семей. Оказалось, что на станции остались только открытые платформы на 2-3 последних эшелона для эвакуации остатков демонтированного оборудования нефтезавода и электrozавода.

Начальник станции упрекнул нас, что мы так поздно обратились по этому вопросу, и ничего не оставалось делать, как ожидать случайного прибытия крытых вагонов. Во время нашего разговора зашел работник станции и докладывает, что под погрузку оборудования электrozавода подали несколько крытых товарных вагонов, и они столкнулись с большими неудобствами при погрузке оборудования в эти вагоны.

Нам просто повезло. Три крытых товарных вагона тут же отцепили, загнали в тупик и по нашей просьбе железнодорожники соорудили в них нары. К концу дня оборудованные нарами вагоны поставили в тупик возле нефтезавода с тем, чтобы там погрузить на них наши семьи и прицепить эти вагоны к эшелону с заводским оборудованием, который направлялся в гор. Сызрань.

Вечером, 7 августа мы погрузили семьи в вагоны и они остались там на ночь, ожидая окончания погрузки оборудования в последний отходящий эшелон. Были даны указания семьям, брать с собой только одежду и постельные принадлежности и никаких хозяйственных вещей или громоздких предметов. Строго следили за тем, чтобы эти указания выполнялись. В вагоны погрузили продукты питания в количестве, необходимым чтобы добраться до Сызрани. Старшим, сопровождающим вагоны, назначили инструктора спецотдела горсовета Гущеева Г. И., по возрасту не подлежащего мобилизации в Красную Армию. Ему и поручили наблюдать за порядком и регулировать дорожную жизнь в вагонах.

Утром, 8 августа эшелон с заводским оборудованием и прицепленными к нему

ремя нашими вагонами подали к перрону вокзала, и мы пошли попрощаться с семьями и проводить их в трудную дорогу. Для многих из наших товарищей это было последнее свидание со своими женами, детьми, родными, самыми дорогими людьми.

Все мы стояли у вагонов и как-то не находили слов, чтобы сказать отъезжающим, что-то самое главное, самое нужное. Говорили о каких-то не главных, не существенных вещах, а на душе было очень тяжело, ведь отправляли мы их в неизвестность, доберутся ли, не разбомбят ли их дорогой. Для такой тревоги у нас были основания, т.к. было известно, что немало отправленных эшелонов не успели даже уйти далеко от Херсона, и лежали свороченные и сброшенные с путей их остатки.

<...> Только мы собрались уезжать со станции, появился фашистский самолет и сбросил бомбы на железнодорожное депо. Наша тревога за семьи еще больше усилилась. Оставили на станции Мейлиха М. И. и поручили ему держать связь со станцией Снигиревкой, чтобы проследить продвижение интересующего нас эшелона.

Со станции Снигиревка передавали, что немцы уже недалеко от станции, что работники станции уже собираются уходить и не знают, сумеет ли, успеет ли проскочить наш эшелон. Где-то во второй половине дня снигиревцы сообщили, что наш эшелон прошел благополучно и что они оставляют Снигиревку, т.к. немцы совсем уже близко. <...>

СОЗДАНИЕ ПОДПОЛЬЯ

Обстановка на фронтах Отечественной войны складывалась явно не в нашу пользу. Фашисты рвались к Москве, Ленинграду, Киеву и низовьям Днепра. Надо было готовить город к обороне. Центральный Комитет ВКП/б/ и Советское Правительство требовали “в беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села” (из директивы СНК и ЦК ВКП/б/)

Части 9-й армии вели тяжелые оборонительные бои, отходя из Бессарабии, стремясь уйти от грозившего им окружения. Наш истребительный батальон, насчитывавший до 250 вооруженных бойцов с 3-4 пулеметами, естественно, не представлял из себя серьезного препятствия для наступающей фашистской армии.

Городской комитет партии приступил к подготовке и созданию партийного подполья. Предусматривалось создать подпольный горком партии и разветвленную по городу сеть партийных групп. Подбором коммунистов для подпольной партийной организации занимался второй секретарь горкома партии Шевченко В. Т. и Ладычук А. К., который должен был возглавить подпольный горком.

Шевченко В. Т. вызывал к себе на беду каждого коммуниста, намеченного быть руководителем партийной группы. После беседы давалось задание подыскать себе две-три хорошо законспирированных квартиры и ждать команду, чтобы уйти в подполье. Списки группы, явки и все остальное, касающееся организации подполья, должно быть сообщено в последний момент.

По плану горкома партии я тоже должен был оставаться в подполье руководителем одной из партийных групп. После беседы на эту тему с Шевченко, я стал обдумывать возможные варианты подпольной работы и подбирать себе квартиры для жилья и встреч с подпольщиками.

На Сухарном я родился и вырос, большинство населения Сухарного я хорошо знал и теперь перебирал в памяти, на кого можно было положиться. Старый рабочий, портовой грузчик, беспартийный Тарабанюк Сергей Сергеевич по возрасту не подлежал призыву в Красную Армию и в связи с болезнью жены не собирался эвакуироваться. Жил он по Сухарной улице, в собственном домике.

По моей просьбе, сестра Ирина организовала мою встречу с Сергей Сергеевичем, которого мне не пришлось уговаривать. Поняв, что я от него хочу, Сергей Сергеевич не только обещал мне предоставить свой домик для жилья или явки, но и сам не отказывался помогать и выполнять указания, которые ему поручат. Я в него верил.

Вторую конспиративную квартиру я наметил также на Сухарном по улице Розы Люксембург у Кузьмы Филипповича Воронежского. Тот тоже не подлежал призыву в

армию, работал также грузчиком в порту, был беспартийный, в преданности его Советской власти я не сомневался, да и собственный домик, в котором он жил, мне казался довольно удобным для этих целей. В разговоре с ним он также обещал всяческое содействие и личное участие, если мы сочтем это возможным.

Таким образом, с подысканием конспиративных квартир вопрос был решен. Я имел ввиду еще два-три адреса также на Сухарном у людей, которые заслуживали доверия и на них, мне казалось, можно было положиться, но конкретный разговор с ними по этому вопросу я откладывал до последнего момента.

Осталось ожидать этого момента, команды переходить в подполье, получить определенные задания и устанавливать связь со своей группой, состава которой я еще не знал.

Имея ввиду, что по служебному своему положению я часто общался с секретарем горкома Шевченко В., неоднократно обращался к нему с вопросом, когда же приступить к выполнению задания и, что пора уже уходить в подполье, чтобы вживаться в новую обстановку, да и внешний вид свой надо изменять. Шевченко со мной соглашался, но говорит, что нет еще такой команды сверху, а без команды приступить к этому делу не разрешали.

Много по этому вопросу мы говорили с Ладычуком А. К. Тут уже разговор шел не по служебному положению, а положению доброй и крепкой мужской дружбы. А такая дружба у нас давно уже переплеталась с дружбой семей и хорошими товарищескими отношениями по работе.

Еще в 1932 году, когда я работал инструктором горкома партии, а Ладычук А. К. вел совершенно секретные мобилизационные дела в горкоме, по его представлению я был оформлен лицом, заменяющим Ладычука А. К. в его отсутствие, а позже вообще все эти дела перешли ко мне. Таким образом, поскольку я имел доступ ко всем этим материалам, мы с ним были откровенны.

Как и меня, Ладычука А. К. также беспокоила неизвестность и, как нам казалось, нерешительность областного руководства в вопросе создания партийного подполья. Мы

с ним часто говорили о деталях и конкретных вопросах предстоящей подпольной деятельности, о людях, на которых можно будет положиться и привлечь к активной работе. В одном из разговоров Александр Карпович меня спросил, не стану ли я возражать, если при необходимости, он назовет мою кандидатуру, как его заместителя по подполью. Конечно, я не возражал.

Время шло, а команды для перехода в подполье не было. Примерно 12 августа в Херсон переехало из Николаева руководство обкома партии и облисполкома. В горкоме партии находились первый секретарь обкома Сыромолотный, второй секретарь Максимов А. А. и председатель облисполкома Филиппов И. М.

Мы ждали окончательного решения вопросов, связанных с организацией партийного подполья и команду к переходу на нелегальное положение. 13 августа мы с Ладычуком А. К. сидели в беседке, во дворе горкома партии и думали все над тем же вопросом. Мимо нас проходил Максимов А. А., остановился возле нас, поздоровался и завел разговор, не относящийся к интересующему нас вопросу. Александр Карпович выбрал паузу в разговоре и спросил, дословно: “Афанасий Афанасьевич, как же нам быть, почему никакой команды нет о переходе в подполье. Вы собираетесь переезжать в Цюрупинск, а что делать нам?”

Максимов А. А. ответил нам, тоже дословно: “А вы поступайте так, как подсказывает вам ваша партийная совесть”. И тут же повернулся и ушел в помещение горкома партии. Для нас стало ясным, что с созданием подпольной партийной организации, что-то не ладится и вряд ли что с этого получится.

В тот же день, к вечеру, все областное руководство выехало в Цюрупинск, а что касается нас, херсонцев, оставили такое указание: переедете в Цюрупинск, тогда решим, как быть. На этом и закончились разговоры о создании подпольной партийной организации.

В оккупированном немцами Херсоне действовали подпольные патриотические группы. О многих из них узнали уже после освобождения города и по архивам фашистской разведки. Многие фамилии подполь-

щиков до війни не були известны в числі партійного і громадського активу міста.

Надо полагати, що в складі підпольних патріотических груп опинилися товариші, по тем или иным причинам оставшиеся на окупованій території. Сознание високого патріотического долга не могло их примирить с режимом окупантов, и они стали на путь сопротивления и активной борьбы с врагами Родины, как в одиночку, так и созданными по инициативе наиболее активных из них – группами. Отсутствием хорошо подготовленной и четко организованной подпольной организации видимо и следует объяснить неудачи и провалы подпольных патріотических групп, в том числе и молодежных.

ОСТАВЛЕНИЕ ГОРОДА И ВОЗВРАЩЕНИЕ

О положении на фронтах Отечественной войны мы знали только из газетных материалов. Что делается у нас по соседству на Южном фронте, мы толком ничего не знали. Доходившие до нас слухи были разноречивыми. Говорили о том, что наша 9-я армия окружена немцами и перестала существовать. Иные утверждали, что войска 9-й армии заняли оборону на подступах к Николаеву, закрепились там с намерением приостановить дальнейшее продвижение немцев к Днепру. Со Снигиревкой железнодорожная и телефонная связь была прервана, сообщали, что немцы уже дошли до Ингульца.

В пригородных селах появились немецкие разведчики, проезжали мотоциклисты. Фашистские самолеты в разных местах вокруг города сбрасывали парашютистов. Подразделения истребительного батальона выезжали для ликвидации парашютистов в районы сел Дарьевки и Киселевки³.

Командир отделения истребительного батальона Морозенко М. П., из числа ополченцев завода им. Петровского, докладывал, что в районе села Дарьевки они поймали двух парашютистов и один из них бывший белогвардеец, Пожидаев Павел, которого Морозенко знал лично.

В городе Херсоне не оставалось никакого военного гарнизона. Все, чем располагал город, это был истребительный батальон, неуспевшие еще эвакуироваться несколько человек горвоенкомата, аппарат горотдела милиции да несколько десятков военных моряков, прибывших на катерах из Дунайской военной флотилии. Подразделениям истребительного батальона была поставлена задача, прикрывать подступы к городу со стороны старого городка сельхозинститута, в районе нефтеперерабатывающего завода и в районе консервного комбината.

14 августа после доклада обстановки областному руководству поступило указание аппарату горкома партии и горсовета переправиться в Цюрупинск, туда же переправить истребительный батальон, поставив об этом в известность подразделение военных моряков.

Закончив эвакуацию на левый берег Днепра всех желающих эвакуироваться жителей города и городских учреждений, в конце дня 14 августа все мы, ответственные работники горкома партии и горсовета оставили город Херсон и на пароходе “Профинтерн” выехали в город Цюрупинск.

По приезду в Цюрупинск все мы направились в усадьбу Цюрупинской опытной станции, которая размещалась в центре города. В домах станции разместились руководство обкома партии и облисполкома. Первый секретарь горкома Козачек и председатель горсовета Ладычук А. К. пошли докладывать областному руководству о нашем прибытии, а мы все разместились в саду опытной станции, ожидая дальнейших указаний.

Уже начало темнеть, когда к нам вернулись Козачек и Ладычук и сообщили, что наша дальнейшая судьба будет решена завтра, а сейчас предложили тут же в саду располагаться на ночлег, установить дежурство и без разрешения никуда не отлучаться.

<...> По прибытию в Цюрупинск мы обнаружили, что среди нас не оказалось секретаря горкома партии по транспорту Зданевича. Уже совсем стемнело, а он не появлялся. Все мы стали высказывать тревогу, не случилось ли с ним чего плохого. Нам было уже известно, что секретарь Николаевского обкома Ярош, разъезжая по западным рай-

³ Дар’ївка та Киселівка – села Білозерського району.

онам області по вопросам эвакуации имущества МТС⁴ и совхозов, в одном из сел был схвачен немцами и толи погиб в перестрелке, толи попал в плен. Не случилось ли чего подобного и со Зданевичем? Позже все прояснилось, но об этом дальше.

Заместитель председателя горсовета Гирский Емельян Ефимович занимался вопросом эвакуации из города имущества коммунального хозяйства и городских организаций. Ему было поручено нагрузить горсоветовскую грузовую автомашину продовольственными продуктами и медикаментами и переправить в Цюрупинск. Имелось в виду использование всего этого в зависимости от сложившейся обстановки.

Автомашина была загружена и заведующий гаражом горсовета Дюрин Андрей поехал на ней в речной порт на переправу. В Цюрупинске не оказалось ни автомашины, ни Дюрина. Это обстоятельство также не могло нас не беспокоить. Мы тогда не могли даже себе представить, что этот человек, Дюрин, был способен на то, чтобы нагруженную автомашину угнать, спрятать от нас и присвоить весь груз.

Утром, 15 августа пришел к нам в сад кто-то из работников областного аппарата и передал указание немедленно возвращаться нам в Херсон. Оказывается войска 9-й армии, прорываясь из окружения, пришли в Херсон и готовят переправы через Днепр в Херсоне и в районе села Антоновка. Мы тотчас же собрались и отправились на пристань. Ожидавший нас катер привез в Херсон.

В здании горкома разместился член Военного совета 9-й армии, бывший первый секретарь Одесского обкома партии Колыбанов, со своим аппаратом.

Некоторые горячие головы из особого отдела армии склонны были считать всех нас, ответственных работников горкома партии и горсовета – дезертирами, якобы самовольно оставившими город. Начались допросы секретарей горкома и председателя горсовета. Ладычук А. К. рассказывал мне о таком допросе. Кое-кто из работников особого отдела под впечатлением фронтовых

неудач угрожали допрашиваемым военным трибуналом.

Когда дошло это до члена Военного совета Армии Колыбанова, тот приказал прекратить всю эту возню. Тут же в кабинете первого секретаря горкома партии собрал всех нас, вернувшихся из Цюрупинска, и поставил задачу – помочь всеми средствами, имеющимися в городе, организовать переправу войск армии и, главным образом, боевой техники на левый берег Днепра, возобновить на полную мощность работу хлебозавода и передать в распоряжение армии все, имеющиеся в городе, запасы продовольствия.

Закончив официальную часть совещания, Колыбанов расспросил секретарей горкома об обстановке, о выполнении задания по эвакуации из города промышленных предприятий и населения. После короткого разговора Колыбанов попросил помочь найти ему вблизи горкома подходящую квартиру с телефоном. Я тут же предложил свою квартиру, в двух кварталах от горкома, по улице Комсомольской, 33. <...> В моей квартире Колыбанов оставался до оставления командованием армии нашего города.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ХЕРСОНЕ

Железнодорожный путь и шоссейная дорога из Николаева в Херсон были перерезаны немецко-фашистской армией где-то между Николаевом и Посад-Покровским⁵. Отходящие войска 9-й армии Южного фронта, уклоняясь от нависшей угрозы полного их окружения, с ожесточенными боями продвигались на юг по-над восточным берегом Бугского лимана через село Богоявленское⁶ на Александровку⁷, поворачивали на восток и пробивались к Херсону, на переправу через Днепр, на левый его берег.

С утра, 15 августа в Херсон стали прибывать части, если не ошибаюсь, 51-й стрелковой дивизии, тыловые учреждения 9-й армии, а позже подразделения военно-морских баз Николаевского гарнизона. К этому времени относится и прибытие в Хер-

⁴ МТС – машинно-тракторна станція.

⁵ Посад-Покровське – село Білозерського району.

⁶ Село Богоявленське – нині у складі міста Миколаєва.

⁷ Олександрівка – село Білозерського району.

сон отряда бронекатеров военно-морского флота, из состава Дунайской флотилии.

Переправа живой силы и боевой техники была организована в гор. Херсоне из речного порта всеми имеющимися средствами самоходного и буксирного флота. Вторая переправа была у строящегося моста через Днепр в районе села Антоновки. Там была организована паромная переправа. Для переправы были также использованы рыбацьи, любительские лодки, всякие вспомогательные средства, позволяющие сколотить из них плоты.

Утомленные непрерывными упорными боями и длинными переходами, изрядно потрепанные в боях подразделения подходили прямо к переправам, грузились и отправлялись на левый берег.

Из подразделений Дунайской флотилии и Николаевской военно-морской базы была сформирована военная часть для защиты города и прикрытия переправ через Днепр. Командование Херсонским гарнизоном было возложено на командующего Дунайской флотилией контр-адмирала Абрамова, а комендантом города был назначен капитан 3 ранга К. М. Балакирев. Командование гарнизоном и комендант города разместились в здании горвоенкомата, по ул. Перекопской, где теперь размещен гарнизонный госпиталь.

По существу всей организацией обороны города руководил Балакирев К. М., он командовал сводным отрядом военных моряков, ему был подчинен и истребительный батальон народного ополчения.

Хочется сказать много хороших слов об этом офицере военно-морского флота. Он остался в нашей памяти как грамотный, волевой командир, смелый в принимаемых решениях и весьма обаятельный человек. Балакирев был душой среди моряков. Он умел сочетать высокую культуру внешнего облика с нестигаемой волей, душевность человеческую и такт с высокой требовательностью.

Участились налеты немецко-фашистской авиации на переправы. По несколько раз на день фашистские самолеты бомбили переправу в районе Антоновки и скопления войск и техники у переправ. Бронекатера и мониторы своими зенитными огневыми

средствами прикрывали переправы и вели артиллерийскую дуэль с немецкой артиллерией. В результате такой перестрелки был потоплен один наш бронекатер, а вся его команда погибла в результате взрыва. После этого наши бронекатера и мониторы больше курсировали по реке Конке и другим протокам Днепра.

Несмотря на существенные потери, переправа войск Красной Армии на левый берег проводилась успешно. Всеми имеющимися средствами город помогал в восстановлении разрушений на переправах. Особенно много в этом направлении работали заместитель председателя горсовета Е. Е. Гирский, секретарь горкома партии по промышленности Е. В. Гаевой и председатель горплана М. И. Мейлих.

Городские организации наладили обеспечение частей армии печеным хлебом, передали им имеющиеся на торговых складах продовольственные запасы и консервную продукцию.

Не обходилось и без казусов. Приходит в горком партии директор винзавода Стасенко и заявляет, что в подвалах завода, в бочках осталось большое количество вина. Проходящие воинские подразделения узнали о наличии вина и требуют открывать подвалы. Как быть и что делать с вином, т.к. вывозить его нет возможности. Посоветовавшись с военным комендантом, решили бочки с вином разбить и вино выпустить. И потекла река вина по улицам города. Винзавод тогда размещался в старом доме губернатора, что был против облдрамтеатра. Теперь там разбит скверик.

В помещении теперешнего горпищекомбината до войны была промартель "Винплодоовощ". Эта артель занималась выделкой виноградного и плодоягодного вина и переработкой овощей. На складах артели оставалось еще много вина. Горкому партии доложили, что проходившие подразделения раскрыли винные склады, распивают вино и есть угроза возникновения всяких неприятностей. Офицеры воинской комендатуры вместе с подразделениями истребительного батальона выпустили из склада запасы вина, а прибывшие моряки увели и увезли опьяневших солдат.

Тем временем немецкая армия подходила вплотную к Херсону. 17 августа немцами были заняты Белозерка, Камышаны, Чернобаевка, Зеленовка и вышли они на правый берег реки Ингулец севернее села Садово. Немецкая разведка и разъезды мотоциклистов стали входить в соприкосновение и вступать в перестрелку с подразделениями истребительного батальона, занявшего оборону на подступах к городу. Военные моряки Балакирева прикрывали подступы к переправам, заняли земляные валы старой крепости в районе теперешнего парка культуры и отдыха им. Ленинского комсомола и киноконцертного зала “Юбилейный”.

Командованием 9-й армии была поставлена задача удержать переправы до 18-19 августа и дать закончить полностью отвод войск армии на левый берег.

Не знаю, по каким причинам немецко-фашистская армия не предприняла решительного наступления на Херсон 17-18 августа. Части 51-й стрелковой нашей дивизии были заняты переправой, и почти вся их боевая техника была уже за Днепром, а подразделения военных моряков капитана 3 ранга Балакирева и истребительный батальон не смогли бы, по своей малочисленности и слабости вооружения, удержать натиск немецко-фашистской армии.

Очевидно, наступающая немецко-фашистская армия была основательно измотана боями отходящих войск нашей 9-й армии и не была в состоянии тогда нанести удар по городу Херсону.

Автор книги “Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне” И. И. Локтионов (Воениздат 1962 г.) пишет, что 16-17-18 августа под Херсоном и в самом Херсоне шли кровопролитные бои. Немцы сосредоточили под городом несколько батарей тяжелых орудий, больше 30 танков, подтянули свежие резервы мотопехоты и волна за волной шли в атаку на малочисленный гарнизон города. За день И. И. Локтионов “отбил” более 15 атак фашистов. Потом фашисты прорвались в порт, установили там батарею тяжелых орудий и в упор стреляли по кораблям флотилии, ну, и много другого в этом духе.

Удивительно то, что мы, все ответственные работники горкома партии и горсо-

вета в это время, все дни, вплоть до второй половины дня 19 августа были в здании горкома, в двух кварталах от порта и не видели, чтобы фашистские орудия прорывались в порт мимо здания горкома, т.к. другой дороги туда нет.

Командующий гарнизоном контр-адмирал Абрамов и комендант города Балакирев в это время находились в своем штабе, здании горвоенкомата и занимались своими делами.

Повторяю, 17 и 18 августа немецко-фашистские подразделения обстреливали нашу оборону, обстреливали артогнем Херсонский порт и переправы, бомбили их авиацией, но решительного наступления не предпринимали.

Горвоенком Кириллов И. Е. 18 августа докладывал, что немцы на двух мотоциклах севернее консервного завода им. Сталина сопровождали, захваченных ими двух матросов и одного офицера, напоролась на нашу заставу из числа истребительного батальона и были захвачены в плен. Наши матросы и офицер были освобождены, а немцы доставлены военному коменданту.

В колясках мотоциклов были зеленые дыни, дамские чулки и другие предметы дамского туалета. Все это привезли в горком, показывали нам. Один мотоцикл тут же передан в распоряжение истребительного батальона.

К концу дня 18 августа переправа через Днепр войск 9-й армии со всем ее хозяйством и тылами была полностью закончена. В городе оставались подразделения моряков и истребительный батальон. Нам стало известно, что 18 августа командование войсками Южного фронта приняло решение об оставлении города Херсона. От руководства обкома и облисполкома из Цюрупинска нам не было никаких указаний. Мы оставались в городе. По-прежнему никто не вспоминал о готовившемся партийном подполье.

Ночь прошла тревожно. Александр Карпович пригласил меня переночевать на командном пункте МПВО⁸, на Комсомольской улице. С командного пункта начальника гарнизона и со штаба истребительного

⁸ МПВО (укр. – МППО) – місцева протиповітряна оборона.

батальона сообщали, что немцы ночью активности не проявляли.

Утром, 19 августа мы с Ладычуком А. К. ушли в горком партии. Предвидя, что придется уходить из города, Александр Карпович оставил указания на случай необходимости ликвидации КП и уничтожения его оборудования.

Утром завязалась оживленная перестрелка. Усилился артиллерийский огонь немецкой артиллерии по порту, а больше всего по кораблям Дунайской флотилии, курсировавшим по Днепру и Конке.

Командный пункт Балакирева находился на пожарной каланче, по проспекту Ушакова, где теперь сооружается здание почтамта. На командном пункте были два наших связных из работников горкома партии: зав. орготделом Гусев Василий Иванович и инструктор Рубинштейн Иосиф. С Балакиревым была телефонная связь, и он обстоятельно информировал горком партии о положении дел на позициях обороны города.

К полудню Балакирев сообщил, что на позициях немцев заметно оживление и, что он приказал отводить подразделения истребительного батальона в порт для эвакуации. Отход батальона будут прикрывать военные моряки. Сказал, чтобы и мы готовились к уходу. О времени сворачивания своего командного пункта сообщит дополнительно.

Одновременно он сообщил, что группы моряков приступили к подрыву резервуаров на нефтеперерабатывающем заводе, железнодорожных путей на станции и в порту и уничтожению других сооружений.

В районе нефтеперерабатывающего завода раздавались глухие взрывы, сплошная лавина пламени двигалась по оврагу, поднялась сплошная туча черного дыма и северо-западный ветер понес эту тучу на город. Столбы подымались в направлении завода им. Петровского, такие же столбы подымались на консервном заводе им. Сталина, где горели цистерны с подсолнечным маслом. На территории морского порта горели склады. Через два квартала от горкома партии, на Комсомольской улице горело подорванное здание телеграфа со всем его оборудованием. Подымалось пламя пожаров и в других районах города.

Уже под самый конец артиллерией флотилии были расстреляны и подожжены емкости с нефтепродуктами на нефтегавани. Лавина огня хлынула в Днепр, уничтожая все на своем пути.

Город казался вымершим, улицы были пустыми. Чувствуя сложившуюся обстановку, повылезали со своих щелей всякие остатки уголовных элементов, началось мародерство. На Суворовской улице были разбиты витрины нескольких магазинов, тащили, что попадет под руки. Грабили квартиры эвакуированных жителей города. Надо полагать, что тут было не столько уголовщина, сколько организованная провокация. Там, где мародеры наталкивались на патрули моряков или ополченцев, они получали по заслугам.

Подступы к порту были перекрыты военными моряками, в порт пропускали только по пропуску, установленному комендантом города.

Мы установили наружную охрану здания горкома, у парадного установили ручной пулемет, вооруженные работники горкома по очереди патрулировали по улице у здания.

Трагическое перемешивалось с комическим. Сидели мы все в первом этаже здания горкома, кто на стуле верхом, кто на столе, а кто на лестничной ступеньке. Ни о чем не хотелось говорить. Кое-кто протирали свое личное оружие, пистолет или карабин, рядом под стенкой лежали приготовленные вещмешки, шинели, а у кого и пальто. В вещмешках было по паре запасного белья, кое у кого лишние брюки и гимнастерка, полбуханки хлеба и две-три банки консервов, вот и все имущество.

Вбегают с улицы Мейлих, с широко раскрытыми глазами, с перепугу ничего толком не может сказать, только и слышно от него, что нас не выпускают, перестреляют и проч. и проч.

Когда он немного успокоился, то рассказал следующее. Был он сейчас в горсовете, проверял все ли там убрано и уничтожено, что не подлежит оставлению. Заходит военный в офицерской форме и спросил, нельзя ли тут достать пишущую машинку для армейских штабников. Мейлих помог ему подобрать подходящую машинку, а ко-

гда разговорились, то офицер спросил его, кто он такой и чего он еще тут. Мейлих рассказал ему, кто он такой и сказал, что работники горкома и горсовета еще находятся тут, в здании горкома и ждут команды уходить.

Тогда офицер ему разъяснил, что с армейцев на этой стороне уже никого не осталось, их группа штабистов уходит последней, все подходы к Днепру уже перекрыты, моряки уйдут на своих судах. На левом берегу Днепра армейские части заняли оборону и без специального пропуска никого не пустят, а при неповиновении будут стрелять без предупреждения. Вот это известие его и вывело из равновесия.

Секретарь горкома Козачек связался с Балакиревым уточнить, так ли это. Тот подтвердил, что это так, но обещал урегулировать этот вопрос, связавшись с Цюрупинском. Конечно, весь этот разговор не улучшил нашего настроения.

<...> Уничтожая все ненужные бумаги в горкоме, мы обнаружили несколько пачек листовок устаревшего и ненужного содержания. Решили сжечь в печах и эти листовки. Стали их совать в печи, а сжигали бумаги в двух печах, и помешивали палкой, чтобы веселее горели.

Через некоторое время кто-то из работников горкома забежал с улицы с криком “немецкие самолеты разбрасывают над городом листовки”. Все мы выскочили на улицу, никаких самолетов не слышно и не видно, а листовки таки действительно падают.

Когда мы начали лучше присматриваться, то увидели, что листовки вылетают из трубы дома горкома, а когда посмотрели на их содержание, то убедились, что это сжигаемые нами листовки. Оказывается, что тяга в печах была настолько сильной, что несгоревшие и полуобгоревшие листовки выбрасывало в трубу.

После полудня усилившаяся стрельба доносилась со всех окраин города. Моряки сдерживали усилившийся натиск немцев. Примерно часов в 15 позвонил в горком Балакирев и сообщил, что немцы заняли уже старый корпус сельхозинститута (школа-интернат № 2), камышитовый завод, железнодорожную станцию и консервный завод

им. Сталина. Таким образом, Херсон был зажат подковой к Днепру. Балакирев сказал, что он снимает свой командный пункт, отпускает наших связных и предлагает нам быстрее собираться, уходить на берег и переезжать в Цюрупинск. Сам он собирался уходить на корабли своей флотилии.

Только мы собрались выходить из горкома, открывается дверь и в сопровождении дежурившего на улице нашего работника заходят поп и какой-то старик. Вошедшие представились: священник кладбищенской церкви и руководитель общины этой церкви. Принесли налог за прошедший период, т.к. срок уплаты уже наступил.

При этом старик добавил: мы хотим заплатить все причитающееся с нас своей, Советской власти, а немцы, то есть немцы. Мы переглянулись между собой, не в состоянии скрыть смущения и неловкости.

Заведующий горфинотделом Носков Абрам Львович принял серьезный вид, пригласил священника и старика к столу, принял у них деньги, сделал необходимые отметки в налоговых документах, поставил на них печать и поблагодарил за хорошие слова, сказанные стариком. Полученные деньги завернул в носовой платок и положил в свой мешок, сказав, что в Цюрупинске разберемся.

Видя, что мы уже собрались уходить, старик, уходя, у дверей обернулся, посмотрел на нас и сказал: благослови и сохрани вас Господь. На глазах старика заблестели слезы. Священник, наклоняя голову, вышел молча. Скажу прямо, мы были растроганы происшедшим, встретив такое понимание обстановки и сочувствие там, где меньше всего можно было ожидать этого.

Вышли на улицу. Весь город был затянут пеленой дыма, пахло гарью, улицы пустынные. На углу нас встретил наш связной Рубинштейн и повторил указание Балакирева об уходе из города.

Напротив, возле скверика стоял второй наш связной Гусев В. И., усиленно махал руками и кричал: скорей идите, а то попадете в лапы немцев. Не дождавшись нашего подхода, Гусев бегом побежал вниз, по улице к порту. Видно подвели нервы нашего связного. На перекрестке улицы Краснофлотской стояли посты заграждения из во-

енных моряков и пропускали в порт только по установленному пропуску. Оказалось, что никто из нас не знал этого пропуска. Только подоспевший горвоенком Кириллов И. Е., который также шел в порт, нас выручил и мы пошли на территорию порта.

На площади, против улицы Коммунаров стояло орудие, направленное на город. Моряки из орудийной прислуги попросили у нас закурить. Наши товарищи поделились папиросами и спросили, чего тут поставили пушку. Командир орудия говорит, что вот поставили на случай прорыва и появления фашистских танков. Только вот как будем отбивать эти танки, не знаю. У нас есть всего три снаряда.

Мы направились к ожидавшему нас у причала пароходу “Профинтерн”. На пароходе были погружены часть подразделений истребительного батальона. Остальная часть его была уже переправлена в Цюрупинск. В порт пришел начальник областного управления НКВД, фамилию его уже не помню. Рассказывал нашим товарищам, что после ухода Балакирева с командного пункта на каланче, он еще оставался, наблюдая обстановку. Немцы через кладбище стали просачиваться на площадь Свободы и в валы старой крепости. В крепости завязался бой с оборонявшимися там моряками, а он перелез через забор двора пожарной команды и переулками прибежал вот в порт.

Территорию порта немецкие фашисты обстреливали с минометов. Разрывы мин и взрывы на железнодорожных стрелках, выводимых со строя нашими подрывниками, смешались в непрерывный гул, треск взрывов и вой осколков мин и металла из портowych сооружений.

Портовики торопили нас с отходом, как бы мина или снаряд не лягнули в пароход, тогда нечем будет переправиться. Это был последний остававшийся в порту пароход. Однако все кого-то или чего-то еще не доставало, и поэтому медлили с отходом.

Наконец, примерно в 16 часов пароход “Профинтерн” дал отходные гудки и отошел от причала в направлении Перебойны в Конку, на Цюрупинск. Это было 19 августа 1941 года.

Мы покидали свой родной город. Все мы стояли на палубе, смотрели, прощались с

городом, в котором большинство из нас родились, росли, мужали. Тут прошло наше детство и беспокойная комсомольская юность. В трудовой ритм города вписывался и наш скромный, посильный труд. Город наших радостей и порою огорчений, тревог и забот. Город наших отцов и наших детей, где мы им дали жизнь. Этот город такой нам дорогой и до боли в сердце нами любимый – лежал перед нами, затянутый тучами черного дыма, полыхал пожарищами, политый кровью его защитников.

Мы, каждый мысленно, прощались с Херсоном. Не хотелось смотреть друг другу в глаза, чтобы не обнаружить своей слабости. У многих из нас на глазах, откровенно, блистали слезы.

Стрельба в городе стала заметно затихать. В районе парка культуры и отдыха им. Ленина слышалась автоматная и пулеметная трескотня и разрывы ручных гранат. Моряки прикрывали отход и погрузку своих товарищей на суда флотилии.

Наш “Профинтерн” вошел в реку Конку, Херсон скрылся за деревьями, до самого Цюрупинска были видны столбы дыма в направлении города.

Шура Ладычук, стоявший рядом, взял меня за плечо, тяжело вздохнув, сказал: пойдем, Сеня, покурим. Мы пошли на кормовую часть парохода, присели на скамейки, <...> мы молча курили, не хотелось ни о чем говорить, на душе было тяжело, очень тяжело, мы смотрели в сторону оставленного родного нам города.

В ЦЮРУПИНСКЕ

На берегах речек Конки и Чайки расположились группы армейских подразделений, строивших оборонительные рубежи. По речкам сновали катера Дунайской флотилии, у выхода из Перебойны в Конку стоял монитор и стрелял из орудий в сторону Херсона. При подходе к Цюрупинску по Конке и Чайке были затоплены несколько пароходов, буксирных катеров и барж. Очевидно увести их не было возможности и решили не оставлять их на плаву фашистам. Механизмы самоходных судов были разобраны и приведены в негодность.

В Цюрупинске с пристани мы все ушли в усадьбу опытной станции, где размещалось руководство обкома партии и облизполкома. Козачек и Ладычук А. К. ушли докладывать руководству о нашем прибытии, а мы разместились под деревьями в саду и обсуждали события прошедшего дня.

Спиваков М. – заведующий отделом пропаганды горкома партии и Гусев В. И. наперебой рассказывали, как они ездили по городу, разыскивали заведующего гаражей Дюрина А. с уведенной им грузовой машиной и нашими продуктами и медикаментами. Если бы мы его нашли, мы бы на месте его расстреляли – восклицал Мона Спиваков, потрясая кулаками в воздухе.

Но... ни Дюрина, ни автомашины найти им не удалось.

Пришел к нам бывший до войны директор Дарьевской МТС, Симонов Григорий Григорьевич. Спрашивает куда и кому сдать деньги. В руках он держал объемистый сверток. Оказывается, получил он в Госбанке деньги на заработную плату работникам МТС. Пока он доехал до МТС, немцы были уже на подступах к Дарьевке, а все работники МТС разошлись кто по домам, а кто на левый берег Днепра. Вот так с деньгами он и пришел в Цюрупинск в поисках кому их сдать. Решено было деньги сдать заведующему горфинотделом, оформив соответствующими документами и распиской на руки Симонову Г. Г.

Обнаружилось опять, что среди нас нет секретаря горкома партии по транспорту Зданевича. Некоторым из нас это обстоятельство показалось подозрительным. Стали сопоставлять отдельные факты и наблюдения. Прошлый раз, когда мы прибыли в Цюрупинск, 14 августа, его тоже не оказалось. По возвращении в Херсон он нас встретил в речном порту и как бы в шутку упрекнул некоторых товарищей в трусости, покинувших так рано город. Все мы видели его с нами в горкоме партии до последней минуты, вместе выходили на улицу, а в порту, на пароходе его не оказалось.

Некоторые высказывали мысль, что он переправился с последним катером начальника речного порта Литвиненко А., которому поручалось поджечь деревянное здание речного вокзала и последним покинуть порт.

Кое-кто высказывал предположение, что Зданевич мог попасть под обстрел в порту и погиб.

В конце дня прибыл в Цюрупинск и пришел к нам начальник речного порта Литвиненко А. Он доложил, что все портовые сооружения приведены в негодность, все самоходные и несамоходные суда из порта выведены и часть из них по указанию военного командования затоплена, а вот поджечь здание вокзала он не смог, не поднялись на это руки. Оказалось, что Зданевич с ним не переезжал и перед отъездом из порта он его не видел.

Трудно тогда было себе представить, что Зданевич окажется подлым, презренным предателем нашей Родины и перейдет на службу к немецким фашистам, а позже удостоится и фашистской награды.

Можно ли было удивляться, что буквально на следующий день, после оставления города, по Херсону были расклеены обращения гитлеровского командования к жителям города с призывом выявлять и выдавать местным властям оставшихся в городе коммунистов. Тут же перечислялись фамилии товарищей из городского партийного актива и суммы денег, обещанные за их поимку и доставку.

Говорили, оставшиеся на оккупированной территории товарищи, что головы отдельных наших товарищей были оценены с 3 до 5 тысяч марок. В числе таких была и голова автора этих строк. Зданевичу, как члену бюро горкома партии многое было известно и конечно, он оказывал неоценимые услуги своим фашистским хозяевам в предательстве.

Вернулись Козачек и Ладычук, мы все собрались вокруг них в ожидании известия о решении нашей дальнейшей судьбы. Оказывается, кто-то из армейского командования, с кем надо было решать этот вопрос, где-то отсутствовал и поэтому решение нашего вопроса перенесено на завтра.

Над Цюрупинском появился немецкий самолет-разведчик. Нам было приказано соблюдать маскировку, и мы рассредоточились под деревьями. Покружив над городом, самолет ушел в направлении Херсона. Огонь нашей зенитной артиллерии был недоста-

точно интенсивным и вреда, очевидно, самолету не причинил.

Ночевать все мы расположились тут же, под деревьями. Со стороны Херсона виднелись отблески зарева, догорающих пожарищ. Весь наш “лагерь” притих. Почти до рассвета уснуть я не мог. Под деревьями поблескивали огоньки папирос, видно многие из нас в эту ночь не спали.

Утром опять встал тот же вопрос, а что же дальше, как быть. Козачек и Ладычук собрали нас всех, приказали не расходиться до решения нашего вопроса руководством области вместе с военным командованием.

Оказалось, что некоторые товарищи, не дожидаясь этого решения, решили самостоятельно продвигаться вглубь страны. Козачек поручил мне взять горкомовскую легковую автомашину, проехать по шоссе до села Раденское и всех товарищей из числа ответственных работников и партийного актива, кого увидим, вернуть назад. Высказал желание поехать со мной секретарь горсовета Сокирко К. А.

По дороге нам удалось увидеть сначала главного инженера горкомхоза Волкинштейна Д. И. и дальше заведующего горотделом народного образования Гехтина. Они нам сказали, что несколько впереди их пошел Багненко А. К. – инструктор горкома партии. Мы предложили им ожидать нашего возвращения, а сами поехали дальше. До Раденска мы больше никого из интересующих нас товарищей не догнали, не нашли мы и Багненко А. К. Очевидно свернул с шоссе на проселок и пошел стороной. Волкинштейна и Гехтина мы привезли в Цюрупинск.

Примерно около полудня, 20 августа, первый секретарь горкома партии Козачек собрал нас всех, чтобы объявить решение областного руководства и военного командования.

Все те из нас, кто был военнообязанным, будут направлены в распоряжение штаба Одесского Военного Округа для зачисления в Красную Армию. И тут же Козачек поручил мне составить список таких товарищей и написать сопроводительное удостоверение. Старшим группы был назначен секретарь горкома партии по кадрам Дмитриев Александр Евстафьевич. Сообщено

было, что штаб Одесского Военного Округа в настоящее время находится в г. Днепропетровске, куда этой группе и надлежало отправиться.

Все товарищи не военнообязанные и некоторые из женщин должны были остаться на месте для зачисления в партизанский отряд и составить ядро для формирования такого отряда. Разрешалось военнообязанным, по желанию, остаться на месте и быть зачисленным в партизанский отряд.

Командиром партизанского отряда назначался Гирский Емельян Ефимович – заместитель председателя горсовета, старый большевик, один из руководителей партизанского движения в Таврии времен гражданской войны.

Комиссаром отряда был назначен Макеев – секретарь Николаевского обкома КП/б/У по промышленности.

Начальником штаба отряда назначен Ладычук Александр Карпович – председатель Херсонского городского Совета депутатов трудящихся.

Как только Козачек закончил отвечать на возникшие в связи с его объявлением вопросы, я вынул из полевой сумки большой блокнот, сел на лежавшее рядом бревно и начал писать удостоверение такого содержания: “При этом направляется в распоряжение штаба Одесского Военного Округа для зачисления в Красную Армию группа ответственных работников Херсонского горкома КП/б/У и горсовета в таком составе...” Дальше шло по-фамильное перечисление группы, состоящей из 14 или 15 человек. Указано было, что старшим группы является Дмитриев А. Е.

Удостоверение подписали первый секретарь горкома партии Козачек и председатель горсовета Ладычук А. К. Управделами горкома партии Кузьменко Иван Васильевич поставил в верхнем углу штамп и на подписях – печать горкома КП/б/У. Этот документ позже был сдан в Сызранский горвоенкомат. Если там сохранились архивы, его можно разыскать.

Всех фамилий этого списка я уже не помню, но большинство из них запомнились. Каждый из товарищей подходил ко мне и записывался. <...> Я тоже входил в состав этой группы.

Закончив с оформлением проходных документов, мы начали собираться в дорогу. Нам предстояло идти пешком до станции Новая Алексеевка Генического района, а отсюда по железной дороге добираться до Днепропетровска. Можно было еще ехать по железной дороге от станции Раденское Цюрупинского района на Крым, через Джанкой и потом на Ново-Алексеевку и Днепропетровск. Но на станции Раденское уже почти не оставалось подвижного состава, все было угнано вглубь страны, да и забита дорога в Крым была настолько, что трудно было рассчитывать, что мы скоро можем добраться таким окружным путем. В общем, предстояло примерно 250 километров пройти пешком.

Гирский Е. Е., теперь уже командир партизанского отряда, выделил нам из двух имеющихся у него пароконных подвод, одну. Ему только что пригнали эти подводы из местного колхоза. Из захваченных из Херсона запасов, выдал нам на дорогу продуктов, папирос. Все это мы вместе со своими вещмешками и шинелями сложили на подводу. Заведующий горфинотделом Носков А. Л. – теперь уже боец партизанского отряда выдал нам положенную за месяц заработную плату.

Мы сдали партизанскому отряду имевшееся у нас оружие – винтовки, карабины. Пистолеты оставили при себе.

Собрались все вместе, попрощались как хорошие друзья и товарищи по работе. Мы с Александром Карповичем отошли в сторону и попрощались отдельно. Он принес тут же написанное им письмо семье. Решили передать его Мейлихом М. И. т.к. у него было меньше всех возможностей попасть в Красную Армию и больше всех возможностей добраться до места эвакуации наших семей.

Передавали письма своим семьям и другие, оставшиеся товарищи. Некоторые из них просили передать на словах свои просьбы и советы.

Примерно в 14 часов подвода, нагруженная нашим походным скарбом и управляемая Гусевым, вышла за ворота Цюрупинской опытной станции и за ней двинулась вся наша группа. Все остававшиеся товарищи вышли нас проводить и провожали глазами до поворота в другую улицу. Это было 20 августа 1941 года.

Кто знал тогда, что почти со всеми, оставшимися в партизанском отряде товарищами, мы видимся в последний раз. Не всем товарищам, отправившимся тогда в путь, после войны суждено было вернуться домой. <...>

*Вересень 1970 – лютий 1971 р.
м. Херсон*

Ф.Р-3873, оп. 1, спр. 34, арк. 3-58.

Зі спогадів Є. Д. Вітенка

По земле Херсонщини я шел дважды: в 1941 – на восток, в 1944 – на запад.

После окончания Ленинградского военного училища связи, я был направлен в 1939 году в г. Одессу, где до начала Великой Отечественной войны служил в батальоне связи Одесского военного округа. Участвовал в операции по освобождению Молдавии. Война застала меня в Тирасполе, куда наш батальон прибыл 19.06.1941. Вскоре округ был преобразован в 9-ю армию, а наш батальон связи – в 45-й отдельный полк связи. В должности начальника радиостанции “11-АК” я и начал войну.

Те, кто испытал горечь поражений и неудач в 1941 году, по-моему, не любят вспоминать о вынужденном и недостаточно организованном отступлении. Мне, связисту, была очень хорошо понятна тяжелая ситуация, в которой оказались наши разбросанные корпуса, не имеющие достаточных подвижных средств для быстрой переброски по указанию штабов фронта и армии. Кроме того, немцы приняли все меры, чтобы парализовать связь, и это им удалось. Поэтому я вынужден был сочетать работу начальника радиостанции с обязанностями мобработника (проводил мобилизацию радистов-специалистов торгового морского флота в г. Одессе, куда возвращался с “большой земли” перед окружением города), а также с обязанностями офицера связи, в связи с чем очень часто вылетал в штабы корпусов танковых бригад Дунайской флотилии для организации радиосвязи со штабом 9-й армии.

Помню, как мы покидали город Николаев. Командующий армией генерал Черевиченко лично командовал зенитными дивизионами, которые прямой наводкой били по немецким танкам. ВПУ армии покинуло город буквально за несколько минут до его полного окружения.

Работая сутками на радиостанции и не добившись связи с соединениями, я часто

вынужден был садиться в У-2, имея недостаточно точные данные о дислокации штабов, и лететь их разыскивать. Зачастую отсутствие связи объяснялось боязнью пользоваться радиосредствами. Нередко мне приходилось просить командиров удалиться с радиостанцией от штаба и связаться со штабом армии. Как правило, маневрируя частотами, мне удавалось осуществлять радиосвязь.

В моей памяти глубокой морщиной осталась переправа через Днепр в районе Берислав-Каховка. Через каждые 30 минут, как по расписанию, приходили Ю-88 и сбрасывали сотни бомб на колонну машин, зажатую в ущелье за Бериславом. Семь комендантов сменилось за день, земля горела, Днепр кипел. И когда в Каховке на другой день я получил приказ вернуться на другой берег, я думал, что это мой конец.

Довелось мне быть офицером связи при штабе Дунайской флотилии в Цюрупинске. Тяжело доставалось флотилии: господствовали в небе мессершмидты.

Мне очень жаль, что я не могу вспомнить фамилии тех мужественных героев, которые были рядом со мной. Запомнился один случай на Каховской переправе.

Одному офицеру осколком бомбы оторвало ногу, но не совсем. Он полз, а нога, держась на полоске мышцы, волочилась за ним, цепляясь за камни и оставляя кровавый след. Он всех просил пристрелить его или хотя бы отрезать ногу. И вот одна из наших радисток Валя Макдональд вынула нож, отрезала офицеру ногу, крепко перетянула поясом ее. Вместе с подругой, тоже Валей Ковальчук они положили его между больших камней. Вот этих двух девушек, радисток из Одессы, я запомнил.

В августе 1941 г. за достигнутые успехи в деле организации радиосвязи я был награжден медалью “За боевые заслуги”. <...>

*28 березня 1972 р.
м. Москва*

Ф.П-3562, оп. 3, спр. 2, арк. 1-2.

Зі спогадів Я. К. Жукова

«ДУНАЙЦІ В БИТВІ ЗА ДНІПРО»

15 августа на мониторе “Ударный” мы прибыли в устье Днепра. Был яркий, солнечный день. Корабль встал за остров Большой Потемкин⁹, замаскировался. Здесь, в протоках Днепра, оказалось много речных пароходов, землечерпалок, буксиров, катеров, барж, загруженных техникой, продовольствием, горючим. Не берусь судить, все ли возможности были использованы тогда руководителями местных организаций для вывода этих судов, но над ними нависла смертельная угроза.

В Херсоне войск Южного фронта не было, и заместитель наркома Военно-Морского Флота вице-адмирал Г. И. Левченко, находившийся в частях флотилии, возложил ответственность за оборону города на дунайцев. Контр-адмирал Н. О. Абрамов тут же собрал руководящий состав и поставил конкретные задачи по созданию укрепленного рубежа, по налаживанию взаимодействия частей, прикрытию их огнем корабельной артиллерии. Работники штаба и политотдела были распределены по кораблям и частям. Мне надлежало быть в 7-й роте морской пехоты, перекрывающей шоссе на дорогу Николаев-Херсон.

Под конец совещания командующий объявил, что назначает комендантом Херсона работника штаба капитан-лейтенанта К. М. Балакирева. Перед ним была поставлена задача, навести в городе должный фронтальный порядок. В помощь Балакиреву выделялась группа командиров и политработников.

Комендант и его помощники организовали маршруты движения населения к переправам, снабжение его продовольствием. Санитарным судном флотилии “Советская Буковина” на левый берег было перевезено несколько тысяч раненых, главным образом бойцов и командиров 9-й армии. Быстро был налажен подвоз на передовую боеприпаса и горячей пищи.

Вскоре после совещания вице-адмирал Г. И. Левченко и контр-адмирал Н. О. Абрамов отбыли в Запорожье, в штаб Южного фронта.

Глиссер, на котором они шли, у Никополя попал под огонь противника. Командир глиссера старшина 2-й статьи Николай Иванов проявил разумную инициативу. Он направил судно в плавни, укрыл его в густых зарослях камыша и выключил мотор. Затем на веслах перешел в другое место и, выбрав удобный момент, запустил мотор. Глиссер на большой скорости, маневрируя, проскочил опасную зону.

Действиями комсомольца Иванова восхищались товарищи по подразделению. Тот слушал их и не понимал: зачем восхищаться? По-другому он и не мог поступить, ведь военачальник, которого спасешь, ведет нас в бой...

В 7-й роте морской пехоты дел было невпроворот. И чем только на этот раз я не занимался: помогал командирам взводов готовить личный состав к бою; вместе с замполитом собрал комсомольский актив, объяснил боевую задачу; обходя ротную позицию, советовал углубить окопы, улучшить маскировку, показывал, как приготовить связки гранат против танков и бронемашин; беседовал с людьми по душам, особенно с теми, кто еще ни разу не участвовал в боях.

В роту только что поступило новое пополнение. Парни были грамотные, но твердых навыков обращения с оружием еще не имели. И конечно волновались. Забота о молодых бойцах, о быстрейшем вводе их в боевой строй – главное для комсомольских активистов. Они проводили беседы с новобранцами о чести и воинском долге, о дисциплине в бою, по товарищески объясняли ошибки, оказывали помощь. На заседаниях бюро слушали отчеты членов ВЛКСМ о выполнении ими комсомольских поручений, о готовности к бою с танками противника.

⁹ Тобто Великий Потьомкінський острів.

Утром 17 августа гитлеровцы перешли в наступление. Наши войска, в том числе и 7-я рота, встретили противника дружным огнем. Хорошо помогала нам корабельная артиллерия. Выносной корректировочный пост был размещен на колокольне в Херсоне. В тот день три бронекатера и батарея 46-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона прикрывали переправу через Днепр у Антоновки. <...>

Вечером морские пехотинцы готовились к отражению очередных вражеских атак: пополняли боезапас, приводили в порядок оружие, восстанавливали разрушенные днем окопы и средства маскировки. Не менее важно было обеспечить духовную зарядку – увлечь членов ВЛКСМ на свершение новых подвигов. <...>

На следующий день передовые отряды противника пытались ворваться в Херсон, но опять были отбиты. Удостоверившись, что тут их с белым флагом не встречают, как встречали в Западной Европе, гитлеровцы затихали на время, подтянули пехоту, танки, артиллерию, создали численное преимущество в живой силе и технике. И только после этого началось их новое наступление на город.

На позицию роты, в которой я находился, обрушился артиллерийский и минометный огонь. Все потонуло в дыму; земля дрожала, словно в лихорадке. Выбывали из строя краснофлотцы. Санинструктор комсомолец Иван Сарнацкий еле успевал перевязывать раненых.

Пока артиллерия и минометы противника били по нашим позициям, его пехота перебежками приближалась к нам. И как только огонь был перенесен в глубину обороны, вражеские автоматчики пошли в атаку. В касках, с засученными рукавами, в расстегнутых френчах, они шли в полный рост, стреляя на ходу.

Морские пехотинцы, подпуская автоматчиков на короткую дистанцию, встречали их шквальным огнем. Фашисты завопили, почуяв, что им тут несдобровать. Поле покрылось трупам.

За день мы отбили более пятнадцати атак.

Такими же горячими вышли для нас и последующие два дня. Противник бросал в бой все новые и новые силы. На каждого нашего бойца приходилось теперь более двадцати гитлеровцев, поддерживаемых танками, минометами, артиллерией. Отражая удары пехоты и танков, морские пехотинцы с боями отступали к окраине города в направлении сельскохозяйственного института. Правее нас, через аэродром, в город ворвались танки. Они с ходу двинулись к центру, а потом – в морской порт. За танками шли автоматчики, проникая к нам в тыл.

С разрешения командира роты я возглавил группу бойцов, повел их в контратаку. Автоматчиков мы уничтожили. В том бою я захватил трофейный автомат.

В группе находился комсомолец Борис Пушкарев, ранее учившийся в Херсонском морском техникуме и хорошо знавший город. Прислушавшись к выстрелам, он сказал, что бой идет в районе порта. Приготовив гранаты, мы двинулись по улицам города к Днепру.

В порту стояли под погрузкой пароходы и баржи. На них были женщины и дети, раненые. Немецкие танки расстреляли стоящие у пристани суда. Был потоплен теплоход “Ленин”, на котором скопилось особенно много пассажиров, в том числе и раненых. Среди раненых находился старший инструктор политотдела флотилии старший политрук Валентин Иванович Федоров. Когда теплоход затонул, он вплавь добрался до левого берега и через плавни пришел в Цюрупинск.

За Суворовским проспектом нас встретил связной командира роты и повел кратчайшим путем к речному вокзалу.

Стоящий у причала минный заградитель флотилии “Колхозник” вел непрерывный огонь из орудий и пулеметов по фашистам, рвущимся в порт. Нам было приказано погрузиться на минзаг. Корабль держался до последней возможности, но, не имея броневой защиты, чтобы отбиваться от танков, был вынужден отойти в рукав Старого Днепра и укрыться за островом Большой Потемкин.

В бой с немецкими танками и батареей вступили бронекатера. Стрельба велась с короткой дистанции. Танки укрывались за зданиями, в то время как катера маневрировали на виду. В катер БКА-201, находившийся вблизи от пристани, угодил снаряд крупного калибра. Погибли командир дивизиона капитан-лейтенант Иван Константинович Кубышкин, военком дивизиона полковой комиссар Константин Тимофеевич Семенов, командир бронекатера лейтенант Сергей Ильич Кулишов и почти весь личный состав корабля.¹⁰

В одном из портовых зданий укрепилась группа бойцов во главе с капитан-лейтенантом К. М. Балакиревым – комендантом города. Вскоре у группы кончились патроны и гранаты. “Надо помочь!” – решили моряки отряда глассеров, наблюдавшие поединок.

Глассер под командованием главного старшины коммуниста Василия Прищенко под огнем врага подскочил к причалу элеватора и принял на борт Балакирева с бойцами. Отстреливаясь, смельчаки скрылись в плавнях. <...>

Командующий флотилией [Н. О. Абрамов] и военком [В. К. Беленков] собрали работников штаба и политотдела в селении Голая Пристань, сориентировали нас в сложившейся обстановке. Войска 9-й армии и части флотилии держат оборону на левом берегу Днепра – от селения Казачьи Лагера до Днепровского лимана. Корабли сосредоточены по многочисленным рукавам и протокам в устье Днепра. Их задача – не допустить форсирования противником реки.

Вместе с флагманским артиллеристом флотилии старшим лейтенантом Михаилом Евгеньевичем Подколзиным спешим на монитор “Ударный”: вот-вот будет стрельба по вражеским батареям. Монитор стоит за островом Белоградный, у правого берега протоки Конка, укрываясь высокими ивами. Корабль хорошо замаскирован, и мы его обнаружили, лишь подойдя на катере вплотную. <...>

Подколзин и командир артиллерийской боевой части лейтенант Павел Кручин принялись отрабатывать таблицу условных сигналов, по которой предстояло корректировать огонь. А мы с военкомом корабля Демидом Евдокимовичем Федоренко и секретарем комсомольского бюро Иосифом Сеньченко начали готовить комсомольское собрание, связанное с проведением боевых артиллерийских стрельб.

Собрание было оживленным и активным. Доклад сделал командир монитора капитан-лейтенант Иван Александрович Прохоров. Выступающие в прениях тепло отзывались о героях прошлых стрельб. <...>

Ночью на катере мы вышли к Херсону. Мы – это старший лейтенант Подколзин, возглавляющий группы выносного корректировочного поста, я, радист Алексей Курдюков, пулеметчики Иван Любченко, Иван Овчинников, мотористы Михаил Фисенко, Афанасий Косый. Группа высадилась на острове Малый Потемкин¹¹, тщательно замаскировались в зарослях камыша, развернула рацию, наладила связь с кораблем.

С рассветом хорошо видим вражескую батарею, все восемь ее орудий. Солдаты чистят орудия, проверяют приборы, подносят снаряды. Потом идут на завтрак.

Солнце поднимается все выше, жара становится нестерпимой. На батарее противника объявляется боевая тревога. Видна вспышка огня – гитлеровцы начали стрельбу.

Одновременно, по нашим данным, переданным на монитор радистом Алексеем Курдюковым, огонь открывает и “Ударный”. Он далеко отсюда, мы его не видим.

Сделан первый выстрел. Небольшой недолет. Флагарт¹² Подколзин вносит поправку. Второй выстрел – точное попадание в цель.

– Передайте: “Поражение!” – кричит Подколзин радисту.

¹⁰ После войны жители Килии присвоили имена И. К. Кубышкина и К. Т. Семенова улицам своего города. – *Прим. авт.*

¹¹ Тобто Малий Потьомкінський острів.

¹² Флагарт – флагманський артилерист, або главарт – головний артилерист, – начальник всієї артилерійської частини флотилії.

Через полминуты слышим залпы орудий корабля. Не отрываясь, глядим на позицию противника – взрывы следуют один за другим. Снаряды буквально смешали батарею с землей. Мы торопимся, ошалелые от радости, сообщить об этом на корабль.

Выполнив задачу, мы перебрались на соседний остров – проверить пост наблюдения и связи. На посту, как мне было известно, все были комсомольцами: начальник поста старшина 2-й статьи Яков Головин, радист Иван Хоменко и сигнальщик Василий Куприян. Но что это? У вышки, на берегу реки, лежали мертвые и Головин, и Хоменко, и Куприян. Тела изуродованы, выколоты глаза, разрезаны животы, внутренности вынуты, и кишки растянуты по деревьям. На сучьях деревьев висели листы бумаги с оскорбительными надписями. Стало очевидным: на острове побывали гитлеровцы.

Осматриваем кусты, заросли, но след врагов давно простыл. Впоследствии было установлено: 21 августа в 17 часов на остров высадилась группа вражеских разведчиков во главе с офицером. Они незаметно подошли к посту наблюдения и связи, в перестрелке убили связистов, раздели их и подвергли зверским издевательствам.

Мы, молча, без традиционного салюта похоронили боевых товарищей, склонив головы над их могилой.

А в тот же вечер, как только мы вернулись с корректировки огня, в политотдел на Голую Пристань были приглашены секретари всех комсомольских организаций. Я выступил с сообщением о гибели моряков-связистов. Меня дополнили Алексей Курдюков, Иван Любенко и Иван Овчинников.

На следующий день на кораблях, в частях, подразделениях состоялись собрания личного состава. На них выступали мы – видевшие зверства, учиненные гитлеровцами над моряками-связистами.

Моряки флотилии знали из газет о зверствах захватчиков на временно оккупированной советской территории. Но знать одно, а видеть зверства своими глазами – другое.

В следующий раз вместе с М. Е. Подколзиным мы корректировали огонь монитора “Железняков”, который уничтожил склад горючего, а также вновь появившуюся в районе Херсона батарею противника. <...>

Отрезанные от Крымского полуострова, мы закрепились в восточной части Кинбурнской косы. Здесь против наших ожиданий много соленых и пресных озер. В восточной части – болота. <...>

Приказом командующего флотом в августе 1941 года в целях обеспечения транспортной коммуникации на подходах к Одессе был создан Тендровский боевой участок (ТБУ). Его возглавили генерал-майор И. Н. Кузьмичев и полковой комиссар А. С. Бойко. Однако участку суждено было заниматься обороной с суши, а не с моря.

В Тендровский боевой участок вошли все сухопутные части Дунайской флотилии, 2-я бригада торпедных катеров флота, 2-й черноморский полк морской пехоты, 1-й батальон 534-го стрелкового полка 106-й стрелковой дивизии, 2-й батальон 469-го стрелкового полка 159-й стрелковой дивизии, 8-й инженерный батальон и одна батарея 122-мм гаубиц.

Из сухопутных частей флотилии 11 сентября 1941 года был создан сводный полк, командиром которого стал полковник Василий Александрович Матвеев, военкомом – старший политрук Василий Иванович Колчин, работавший до этого в политотделе флотилии.

Части боевого участка занимали рубеж обороны от Днепра до Каркинитского залива (Збурьевка, Чулаковка, Бехтеры, Железный Порт¹³). Штаб размещался в селе Циммервальд¹⁴. Перед кораблями флотилии встала задача прикрывать огнем артиллерии левый фланг этих войск.

12 сентября я был в батальоне морской пехоты, созданном на базе 7-й роты и входившем в состав сводного полка. Батальон занимал позиции в районе Чулаковки. Перед нами расстилалась широкая

¹³ Збур’івка, Чулаківка, Бехтери, Залізний Порт – села Голопристанського району.

¹⁴ Циммервальд Бехтерської сільської ради – нині селище Садове Голопристанського району.

степь с полями кукурузы и пшеницы, которая была убрана лишь частично. Командиры отрабатывали систему огня, бойцы рыли окопы. Им доставалось: грунт песчаный – осыпается. Артиллерийская батарея заняла позицию на южной окраине села, земляные работы уже завершила. Я замечал: артиллеристы никогда не пренебрегают окапыванием, понимают, что хороший окоп – и в самом деле крепость.

<...> В те дни гитлеровцы двигались по дорогам к Крыму, занимали крупные населенные пункты, а по ночам выставляли боевое охранение, которое, боясь окружения, жгло скирды собранной пшеницы, стога соломы, колхозные скотные дворы, пускало ракеты.

Мы не знали, какие вражеские части повернули в нашу сторону. В этих условиях данные разведки приобретали особое значение. И я решил возглавить группу разведчиков. <...> На грузовой машине, которую вел Михаил Ефремов, мы выехали в направлении Каланчак, Скадовск. Эти места я немного знал: зимой доводилось дважды приезжать из Севастополя – тогда мы охотились на зайцев, вдоль и поперек исколесив ровную степь.

Едем по проселочным дорогам. В села, деревни и хутора, что встречаются на пути, заглядываем осторожно. Жители скрывались в погребках, в хатах появлялись только ночью. В деревне Чалбасы¹⁵ побывала разведка противника. Гитлеровцы схватили директора машинно-тракторной станции и милиционера, повесили их на воротах ремонтной мастерской. <...>

Вражеские войска передвигались на машинах, поднимая облака пыли. Днем хорошо видны маршруты движения их колонн.

В Каланчаке уже под покровом сумерек мы заметили скопление пехоты. <...> На следующий день возвращаемся в Чулаковку. <...>

Наступление противника началось на следующий же день. Из кукурузы гитлеровцы шли на нас развернутыми шеренгами в полный рост, в касках, с автоматами в

руках, но не стреляя. Это, оказывается, была психическая атака.

Мы отрыли ружейный и пулеметный огонь. Тогда из-за флангов наступающей пехоты вырвались мотоциклы, а за ними танки. Мотоциклисты стреляли короткими очередями как вперед, так и по сторонам – по кустам, по нескошенной пшенице, по кукурузе. Стрельба, на мой взгляд, тоже была психической: слишком много треску. Но и это никого не напугало. Поджидая танки, краснофлотцы словно замерли, ничем не выдавая себя. Как только грохот раздался рядом, в машины полетели гранаты и бутылки с бензином. Три танка загорелись, многие тут же повернули обратно, и лишь несколько машин прорвались вглубь обороны.

Тут наши бойцы еще больше осмелели: подпустили как можно ближе вражескую пехоту, вели по ней прицельный огонь. “Психи” не выдержали, показали спины. Мы с криком “ура!” бросились в контратаку. <...>

Во второй половине дня 14 сентября 17-я пулеметная рота перебрасывалась в Старую Збурьевку. Мне было приказано следовать с ней. На автомашинах мчимся к Днепру, но выясняется, что Старую Збурьевку захватил враг. Красноармейцы 1-го батальона 534-го стрелкового полка, вконец измученные, сопротивлялись со всей отчаянностью, но, понеся большие потери, вынуждены были все-таки отступить. Чтобы восстановить положение, командование приказало контратаковать противника.

Глубокой ночью мы идем на Старую Збурьевку. Движемся параллельно дороге. Местность неровная, сапоги утопают в песке. Рядом со мной шагают командир роты старший лейтенант Алексей Николаевич Матвейчук и командир взвода младший лейтенант Иван Иванович Лихаузов. У нас у каждого на левом рукаве белые повязки, чтобы в бою отличить своих от врагов.

Прошли половину села, а противника все нет. Улица выводит на площадь, где размещаются школа и почта. Смотрим: здесь на площади стоят четыре вражеских орудия – целая противотанковая батарея. Нас никто пока не заметил. Чуть замедли-

¹⁵ Чалбаси Скадовського району – нині село Виноградове Цюрупинського району.

ли шаг, сориентировались, видим наших пулеметчиков: они, маскируясь, обходят батарею с противоположной стороны, впереди командир взвода Алексей Логачев. Почти в то же мгновение их обнаружил противник и по-русски, видимо полагая, что это местные жители, окликнул:

– Кто идет?

Не успели пулеметчики ответить, как раздались автоматные очереди – и командир взвода замертво упал. Командир роты Матвейчук метнул в фашистов гранату. Гитлеровцы застрочили и в нашу сторону, но уже поздно: боевое охранение и обслуга батареи в доли минуты были уничтожены.

Особенно яростно сопротивлялись гитлеровцы в помещении школы – там находились офицеры. Стрелки попластунски подползли к окнам и бросили несколько гранат. Гитлеровцы истошно завопили, пытаясь спастись, но по окнам ударил еще и пулемет.

Старая Збурьевка снова стала нашей...

Утром, подтянув подкрепление, противник перешел в наступление. На правом фланге завязалась перестрелка. Командир взвода пулеметной роты сержант Николай Починин дал по врагу очередь. Двое гитлеровцев упали, другие залегли. Боец Трофим Лысун помогал сержанту.

– Товарищ командир, вот они где залегли! Гранаты довершили дело...

Взбесившись от неудачи, гитлеровцы стали поливать нас пулеметным огнем. Починин осторожно отполз в сторону, попытался с помощью бинокля отыскать вражеский дзот, не дававший нам поднять головы. Мастер меткой стрельбы, сержант быстро заставил его замолчать.

Вскоре фашисты снова двинулись в атаку. Под встречным огнем они падали убитыми и ранеными, уже начали пятиться назад, но офицеры неистовствуют – погоняют солдат пистолетами.

Поняв, что момент выигрышный, Починин повел бойцов в контратаку. Но тут разорвался фашистский снаряд, сержанта бросило на землю. Преодолев боль от контузии, Починин поднялся и опять повел бойцов вперед.

До конца боя он руководил действиями взвода. Его питомцы из молодежи – комсомольцы Василий Кублет, Тимофей Лесовой, Григорий Осейко, Николай Костенко – не отставали от командира. Они уничтожили пять огневых точек врага и много пехоты. <...>

Утром 19 сентября, перед атакой пехоты, фашистская авиация нанесла по нашим позициям бомбовый удар. Самолеты группами заходили то на окопы, то на корабли, находившиеся неподалеку от нас. Мы подсчитали: на переднем крае разорвалось 62 авиабомбы. Были, конечно, и потери. От прямых попаданий оказались затопленными в Ягорлыцком заливе бронекатер “БКА-401” и минный заградитель “Колхозник”.

На минзаг шло 11 “Юнкерсов-87”. Их раньше всех заметил сигнальщик Василий Савченко. Была сыграна боевая тревога. Зенитчики открыли по самолетам огонь, как только те входили в пике. Метко стреляли командир орудия Александр Никитин, пулеметчики Григорий Силенок и Николай Пучков. Два самолета сразу же были сбиты, они упали в залив неподалеку от корабля. Но следующий юнкерс успел сбросить серию бомб; одна из них попала в ходовой мостик, пробила палубу и взорвалась в машинном отделении, вызвав пожар. При этом погибли командир корабля старший лейтенант коммунист Петр Максимович Сергеев, его помощник лейтенант Иван Михайлович Портной, командир пулеметного расчета Григорий Силенок, пулеметчик Николай Пучков, рулевой Антон Пархоменко.

<...> С огнем самоотверженно боролись главный старшина Яков Корнев, старшины 2-й статьи Демьян Матвиенко, Григорий Бовтун, Виктор Савченко, краснофлотец Иван Бобровник. И они сумели бы одолеть стихию. Но на корабль упала еще серия бомб, взрывная волна сбросила героев-коммунистов в бушующее пламя, и они погибли.

Командир орудия Александр Никитин был тяжело ранен, но продолжал вести огонь по вражеским самолетам. Он не покинул боевого поста и погиб вместе с кораблем. <...>

Пехота противника, поддержанная авиацией, артиллерией и танками, попыталась сходу опрокинуть оборону наших войск. Было много шума: завывали сирены, строчили автоматы и пулеметы... Пьяные гитлеровцы, крича и ругаясь, беспорядочно вели огонь. Но их атаку не назовешь теперь психической. Солдаты маскировались и, что самое существенное, прижимались к земле.

Мы встретили вражескую пехоту дружным огнем. Ее цепи одна за другой откатывались назад. На поле боя оставались трупы гитлеровцев.

Проходит час. Напор врага усиливается, но морские пехотинцы не отошли с рубежа. Против роты, в которой я находился, действуют три танка и до роты автоматчиков. Вот один из танков вырывается вперед. Вот он уже у окопа, где сидят, затаившись, истребители танков. В грохочущую машину летят связки гранат и бутылки с зажигательной жидкостью. Танк горит. Два других разворачиваются и отходят назад.

Морские пехотинцы сосредоточили огонь по атакующим автоматчикам. Те не выдержали, залегли. При повторном броске гитлеровцы меняют тактику. Теперь, прежде чем идти в атаку, они ведут тщательную разведку расположения нашей артиллерии и дорог, пытаются обезвредить мины, поставленные нами. Во время танковой атаки впереди пускают броневые автомобили. При малейших потерях танки поворачивают и отходят.

Пожалуй, ничто так удручающе не действует на пехоту и танки противника, как огонь корабельной артиллерии. Ее 130- и 100-мм снаряды, проносясь над нашими головами, рвутся в гуще гитлеровцев. Рядом с нами в боевых порядках морской пехоты находятся выносные корректировочные посты: они поддерживают с кораблями постоянную радиосвязь, сообщают им цели, корректируют стрельбу.

В те дни на аэродромы Николаева и Херсона противник подтянул свежие авиационные части, в том числе пикирующие бомбардировщики с острова Крит, имевшие опыт бомбометания по кораблям. В районе Херсона был поставлен маяк, свет

которого виделся ночью на десятки километров и служил летчикам ориентиром.

Корабли флотилии, обогнув оконечность Кинбурнской косы, перешли из Днепровского лимана в Ягорлыцкий залив. Залив неглубокий, была большая зыбь, и плоскодонные речные корабли сильно качало. Берега залива – низменные, лишены какой-либо растительности. Укрыться в зарослях ивняка или замаскироваться в камышах, как это делали в Днепровском лимане, здесь не представлялось возможным. Корабли, к сожалению, хорошо просматривались с воздуха.

И авиация, обнаглев, непрерывно бомбила корабли флотилии. 20 сентября, мониторы “Ударный”, “Железняков” вели артиллерийский огонь по танкам и мотопехоте немцев в районе Ивановка¹⁶. И почти весь день, не менее 18 часов, висели над ними юнкерсы.

Командир монитора [“Ударный”] капитан-лейтенант И. Прохоров, меняя скорость хода, всячески уклонялся от бомб, сыпавшихся с самолетов. Командир артиллерийской боевой части П. Кручин тоже показал себя героем. Презирая опасность, он смело и мастерски руководил огнем артиллерии и пулеметов; когда было нужно, подменял выбившихся из сил номера расчетов. Артиллеристы и пулеметчики развили максимальную скорость и интенсивность стрельбы. Сбили один самолет, подбили второй. Стволы орудий и пулеметов раскалились...

Несмотря на такой заградительный огонь, самолеты коршунами пикировали на корабль и огневые точки. Поединок становился все более трагическим. В корму монитора попала бомба, вышла из строя первая машина. Во время взрыва в первом машинном отделении вахту несли мотористы Максим Судаленко, Алексей Анисимов и Андрей Гончаров. Андрей был ранен в левый бок. Судаленко помог ему подняться по трапу на палубу, перевязал его. Но вот взрывной волной Гончарова сбросило в воду и только чудом спасся моряк. Сейчас он живет в городе Николаеве и работает механиком теплохода “Вольный”.

¹⁶ Ивановка – село Садівської сільської ради Голопристанського району.

Ведя неравную борьбу, монитор продолжал движение под второй машиной. Командир электромеханической боевой части инженер капитан 3-го ранга, секретарь парторганизации корабля Владимир Авласенок возглавил аварийную группу. Вода все время прибывала, заливая внутренние помещения. Грохот, пламя, осколки... Как ни старались моряки <...>, поступление воды во внутрь корабля приостановить не удалось. Борта его буквально были прошиты сотнями осколков и вода фонтанами заливала машины, кубрики, коридоры.

При повторном налете бомбардировщиков монитор получил двенадцать прямых попаданий. Взорвался артпогреб с боезапасом и корабль затонул в Ягорлыцком заливе, южнее села Покровки. Погибло 55 человек, в том числе командир корабля капитан-лейтенант Иван Александрович Прохоров, гидрограф Константин Васильевич Орлянский и весь остальной командный состав кроме военкома.

Корабль медленно погружался в воду. Раненые и оставшиеся в живых моряки держались за надстройки. Многие не имели сил отплыть подальше. Фашистские летчики снизились до бреющего полета и начали расстреливать из пушек и пулеметов людей, оказавшихся беспомощными. Так продолжалось несколько часов. Только после того как стемнело, фашистские бандиты улетели.

Военком корабля Демид Евдокимович Федоренко, сброшенный с палубы, плавал в море вместе с оставшимися в живых моряками. Он организовал помощь раненым, периодически давая им отдыхать на единственной уцелевшей шлюпке, поддерживал обессиленных людей словом, вселял уверенность, что скоро придет помощь.

Было темно, в небе по южному светились крупные звезды. Вдруг моряки услышали шум приближающегося мотора: осторожно к ним спешил катерный тральщик, управляемый старшиной 2-й статьи Николаем Кадниковым. Он сделал два рейса в село Покровку и спас моряков. Всем им была немедленно оказана меди-

цинская помощь. Раненых положили в госпиталь.

Через двадцать два года, летом 1963 года, “Рабочей газетой”, Центральным Советом ДСО¹⁷ “Авангард” и Федерацией подводного спорта УССР была создана первая Украинская подводная экспедиция по поиску погибших кораблей. Ее возглавлял мастер спорта Игорь Заседа. Работая в Ягорлыцком заливе, экспедиция обнаружила монитор “Ударный”. Игорь Заседа и Костя Левинский проникли внутрь корабля, прошли в кают-компанию, побывали в каютах. Они нашли корабельный сейф, извлекли его, извлекли книги, документы, которые еще можно было читать. В одной из кают нашли дневник матроса Ивана Филипповича Дрожжина, который прибыл на монитор в мае 1941 года из 2-й бригады подводного плавания Краснознаменного Балтийского флота.

Потом вместе с аквалангистами спускался на монитор “Ударный” сын командира, инженер-строитель Виктор Прохоров.

После первой подводной экспедиции по инициативе газеты “Водный транспорт” начался поиск оставшихся в живых моряков с монитора “Ударный”. На призыв газеты: “Где вы, друзья однополчане?” откликнулись радист Александр Березовский, моторист Николай Бабяк, ныне оба живут в Черкассах, в Андрей Гончаров живет, я уже писал, – в Николаеве.

А что было на “Железнякове”, находившемся неподалеку? Монитор избежал прямых попаданий, но от бомб, упавших вблизи, получил тяжелые повреждения. Корабль подвергся нападению тринадцати пикирующих бомбардировщиков. Атаки шли одна за другой. Самолеты парами заходили с разных направлений и с ревом сбрасывали бомбы.

Артиллеристы и пулеметчики вели ожесточенный огонь по самолетам, особенно усиливали его при выходе пиратов из пикирования. Умело действовали вертикальный наводчик Антон Орленко, комендор зенитки Михаил Перетяцько, наводчик кормового полуавтомата Николай

¹⁷ ДСО (укр. – ДСТ) – добровільне спортивне товариство.

Усенко. Командир корабля старший лейтенант Александр Маринушкин, его старший помощник лейтенант Алексей Харченко все время находились на ходовом мостике корабля, непрерывно маневрировали скоростью и меняли направления движения.

Вот заходят на бомбометание сразу три самолета. Ложатся на боевой курс, переходят в пикирование, пикируют долго и сбрасывают одновременно шесть авиабомб, две из которых падают и взрываются в двух метрах по левому борту в районе 16-го шпангоута. От взрывов корпус корабля адски сотрясается. Многие оборудование сорвало с креплений, подбросило вверх и загромодило проходы. В помещении стала поступать вода. Из строя вышли дальномер, рация, заклинило башню главного калибра. Были ранены военком Василий Корнеевич Кихно, матросы Бозель и Бейкун. Несмотря на ранение, Кихно первым полез в воду, осматривать бортовые пробоины.

Аварийная группа под руководством командира электромеханической боевой части коммуниста Дмитрия Васильевича Павлина самоотверженно боролась за живучесть корабля. Комсомолец Василий Чумак и секретарь комсомольской организации Григорий Мудряк обнаружили, наконец-то, место поступления воды.

Василий Чумак служил на корабле с 1938 года, слыл отличным электриком. Сын шахтера, родился в селе Привольном Лисичанского района, по примеру отца перед призывом на флот тоже пошел в шахту, только отец был крепильщиком, а сын стал телефонным мастером. Вместе с Григорием Мудряком они активно работали в бюро комсомольской организации. Не случайно, что и в бою они оказались вместе. Как только была обнаружена течь, они сразу же сняли обшивку борта у переборки 16-го шпангоута, поставили деревянные клинья, законопатили щели паклей, смазанной тавотом, и прижали их стойками. Поступление воды прекратилось.

Одновременно обнаружилось поступление воды через фланец питательной трубы в районе 37-го шпангоута левого борта. Прекратить ее поступление изнутри

корабля не удалось. За борт быстро спустились коммунисты Федор Журба, Дмитрий Дереча, Семен Тренкаль. Они поставили в пробоину деревянную пробку с паклей и ветошью, смазанную тавотом, а потом зацементировали ее.

Монитору “Железняков” было приказано следовать к Тендровской косе, куда он дошел с большим-большим трудом. После ремонта, осуществленного силами экипажа, “Железняков” своим ходом дошел сначала до Ак-Мечети¹⁸, потом до Севастополя и Камыш-Буруна¹⁹. Там был поэтапно отремонтирован и продолжал участвовать в боях на Дону, Кубани, на Азовском и Черном морях. <...>

В городе-герое Киеве, где “Железняков” был построен и передан ВМФ, установлен памятник – монитор “Железняков”. Трудящиеся завода “Ленинская кузница” восстановили корабль, вознесли на постамент, как памятник выдающемуся героизму советских моряков.

После потери монитора “Ударный”, вывода из строя монитора “Железняков”, оказывавших активную артиллерийскую поддержку сухопутному фронту, нам стало гораздо труднее бороться на Кинбурнской косе. На помощь пришли наши бронекатера. Они, невзирая на опасность, подступили почти к самому берегу и с короткой дистанции били по врагу, выпуская совместно за день до тысячи снарядов. Бронекатера под командованием лейтенанта Д. Козлова мужественно отражали попытки немцев высадить десант на остров Первомайский²⁰.

С тех пор, как мы пришли на Кинбурнскую косу, фашисты потеряли до двух тысяч солдат, три танка, шесть автомашин. <...>

Произведя перегруппировку, немецко-фашистские пехотные части, во взаимодействии с танками и авиацией, пошли в новое наступление. Пользуясь значительным превосходством в силе, противник

¹⁸ Селище Ак-Мечеть – нині селище міського типу Чорноморське АР Крим.

¹⁹ Селище Комиш-Бурун – нині у складі міста Керч АР Крим.

²⁰ Острів у Дніпро-Бугському лимані між Очаковом та Кинбурнською косою.

решил разрезать наш фронт обороны у Чулаковки на две части, выйти затем к Прогною и Свободному порту, отрезать нас от пирсов и плавсредств, прижать к берегам Днепро-Бугского лимана и Ягорлицкого залива, окружить и уничтожить.

17 сентября я находился на позиции обороны первой роты батальона морской пехоты. Вместе с политруком Георгием Дмитриевичем Большаковым отправились ночью проверить боевое охранение – из окопов противника доносился шум. С рассветом, после артиллерийской и минометной обработки нашей обороны, вражеская пехота двинулась в атаку. Теперь фашисты не шли в полный рост: охоту к психическим спектаклям мы отбили у них в прошлых боях.

Раздался гул авиации, танков, бронемашин, поддерживающих пехотинцев. Танки и бронемшины пошли в обход флангов батальона, ведя огонь с хода. Пехота короткими перебежками начала сближение с нашей линией обороны, ведя огонь из автоматов. Ее поддерживали станковые и крупнокалиберные пулеметы.

Наши бойцы держали оборону стойко. По наступающим немцам открыла огонь крупнокалиберная батарея, стоявшая южнее Чулаковки. Три батареи 46-го зенитного артиллерийского дивизиона стреляли бронебойными по танкам и бронемашинам. Ротные минометы били по пехоте и огневым точкам. Мины со свистом пролетали над головой. <...> Морские пехотинцы встретили вражеских автоматчиков шквальным огнем и преградили им путь свинцовой завесой. Перед окопами росли кучи трупов, медленно расплзались раненые. Перебежки прекратились...

<...> Не считаясь с потерями, враг рвался вперед. В течение дня отбили три атаки, однако к вечеру отступили. Гитлеровцы взяли Железный Порт, прорвались к озеру Оджиголь, а на следующий день пытались перерезать дорогу на Прогной и окружить нас.

20 сентября под напором превосходящих сил противника наши части отошли на оборонительный рубеж хутор Бузовый–Ягорлицкий залив.

Не стихали круглосуточные бои. За все время, пока мы на Кинбурнской косе, фашисты впервые рискнули на ночные атаки.

Авиация группами до 10 самолетов штурмовала окопы и плавсредства в Покровке. Против батальона морской пехоты фашисты бросили броневики и раза в три больше, чем сам батальон, автоматчиков. <...>

Штаб Южного фронта приказал эвакуировать части нашего боевого участка с Кинбурнской косы на Тендоровскую. Ягорлицкий залив мелководный и для перевозки войск и техники можно использовать только мелкие суда. На побережье не было пристаней. Пришлось строить причал в селении Прогной из разобранных сараев. Строительство и эвакуация шли под непрерывными бомбежками.

Видя, чем мы занимаемся, гитлеровцы всеми силами пытались отрезать наши части от причала, не допустить посадки на суда.

23 сентября, в последний день обороны, атаки противника были особенно тяжелы. Группа вражеских автоматчиков проникла к нам в тыл, но это не вызвало особой растерянности. Моряки-связисты комсомолец Георгий Ефимов, Иван Карпенко, Константин Швец, Василий Каравашкин, Данила Колomoец, оседлав лошадей, перешли вброд через озеро Долгое, окружили автоматчиков и уничтожили их.

Росла ярость наших подразделений. Ненависть к врагу была подобной взрывчатке. Командир взвода из роты морской пехоты лейтенант И. Турчанинов, вооружившись снайперской винтовкой, уничтожил за день восемь фашистов. Комсомолец Дмитрий Брызгунов, подобрав на поле боя разбитый ротный миномет, исправил его и выпустил по немцам 150 мин. Матрос-пулеметчик комсомолец Гаврил Боев, прикрывая отход роты, оказался в полуокружении, был ранен, но не сдался врагу, уничтожил более десятка фашистов, наседавших на него, и, только выполнив задачу, последним отошел к причалу под автоматным вражеским огнем.

Посадку на корабли прикрывали артиллерийским огнем из последнего остав-

шегосся в строю 122-миллиметрового орудия и артиллерией бронекатеров. Командир дивизиона катеров старший лейтенант С. П. Шулик все время находился на передовом наблюдательном пункте, лично корректировал огонь и сумел нанести противнику ощутимые потери: уничтожил две минометные батареи, подавил огонь противотанковой батареи, истребил до сотни солдат.

В это же время бронекатера № 105, 202, 204, 402 отлично выполнили задачу по эвакуации личного состава с острова Березань. Противник вел сильный огонь, но 200 матросов и офицеров без потерь были сняты с острова и переброшены на Тендровскую косу. <...>

Тендеровский боевой участок своей стойкостью сковал две дивизии немцев общей численностью до 30 тысяч человек. Одна из них находилась в обороне на правом берегу Днепро-Бугского лимана. Вторая, или точнее мотомехгруппа Дитриха,

никак не могла до 24 сентября сдвинуть с места советские части, вцепившиеся в родную землю на восточном направлении, что задержало общее наступление противника на Крым.

В боях на Кинбурнской косе гитлеровцы потеряли убитыми около 7 тысяч человек, танков – 7, самолетов – 11, автомашин – 60, мотоциклов – 6, минометов – 5, орудий – 1, винтовок, только захваченных – 200.

Доблестно дрались советские воины. И пехотинцы, и моряки. Командир Тендровского боевого участка генерал И. Н. Кузьмичев сказал на одном из совещаний: “Счастлив, что воюю с такими богатырями. Здесь зарождалась слава Александра Суворова, здесь он показал миру великое воинское мужество. Думаю, что мы ни в чем не оплошали перед его памятью, перед надеждами своего родного народа!”

*29 вересня 1982 р.
м. Москва*

Ф.П-3562, оп. 3, спр. 44, арк. 2-33.

Зі спогадів А. Г. Кузнєцова

«ХЕРСОН І КАХОВКА – ЕТАПИ ВЕЛИКОГО ШЛЯХУ...»

В ходе тяжелых оборонительных боев на Южном Буге, где Дунайская военная флотилия оказывала огневое содействие приречным флангам сухопутных войск, а также в обороне переправ и в непосредственной переброске войск и техники через водные преграды, наши 9-я и 18-я армии, понесшие огромные потери еще в боях на Пруте, Днестре, а потом и на Южном Буге в районах Вознесенска, Первомайска и Николаева, с 14-го августа 1941 года приступили к быстрому отводу своих войск за Днепр, с тем, чтобы на левом берегу, заняв оборону, своими оставшимися малыми силами, используя широкую водную преграду Днепра, не допустить форсирования ее превосходящими силами противника. 9-я армия спешила в район Берислав-Каховка, а 18-я в район Никополя.

В этой обстановке 14 августа, согласно приказу, подписанному заместителем наркома ВМФ вице-адмиралом Г. И. Левченко, командующим Дунайской флотилией контр-адмиралом Н. О. Абрамовым и военкомом флотилии бригадным комиссаром В. К. Беленковым, был создан корабельный отряд, командиром которого был назначен наш командир²¹ капитан-лейтенант Шик Леонид Самойлович. В состав отряда вошли: монитор “Мартынов”, командиром которого стал бывший помощник командира монитора “Железняков” старший лейтенант Харченко Алексей Емельянович, и отряд бронекатеров старшего лейтенанта Шатаева Н. А. в составе БКА-101, БКА-102, БКА-103, БКА-104 и БКА-105. Военкомом всего отряда был назначен наш военком батальонный комиссар Никита Яковлевич Шкляр, а артиллеристом отряда – бывший дивизионный артиллерист мониторов старший лейтенант Андрей Савельев.

Корабельному отряду была поставлена задача: во взаимодействии с соединениями и частями 9-й и 18-й армий не допустить форсирования противником Днепра в районе Берислав-Никополь.

В тот же день, 14 августа отряд кораблей под командованием нашего командира капитан-лейтенанта Л. С. Шика начал свой переход Николаев-Херсон-Берислав, и во второй половине дня мы прибыли в Херсон, где пополнив все свои израсходованные запасы, мы продолжили переход.

Проходя порт, тот, кто находился в тот момент на верхней палубе и на ходовом мостике, хорошо видел по левому борту коническую вершину пшеничной горы, возвышавшейся над Днепром, – как в реку из элеватора высыпали пшеницу. Из огромного брезентового рукава, висящего над Днепром, сплошным потоком сыпалась прекрасная украинская золотая пшеница. Смотря на эту картину, каждого из нас невольно охватывало неприятное чувство душевной печали. Сам факт уничтожения запасов зерна, прежде всего, говорил о том, что в Херсоне нет необходимых плавсредств – ни транспортов, ни буксиров с баржами, чтобы можно было бы зерно вывезти морем. А самая страшная печаль заключалась в том, что городские власти, не надеясь отстоять город, были вынуждены предпринимать необходимые крайние меры, связанные с возможной сдачей Херсона. И через какие-то четверо суток, после трехдневных кровопролитных тяжелых боев, 18 августа 1941 года Херсон был захвачен врагом²², о чем мы узнали гораздо позже.

В тот день, проходя порт, из нас никто и думать не мог, какую участь уготовит сдача Херсона для всего нашего корабельного отряда, спешившего в район Берислав-Каховка, чтобы выполнить приказ командования.

С рассветом 15-го отряд прибыл в Берислав, где бронекатера с ходу приступили к перевозке войск и техники на левый берег. Монитор “Мартынов”, встав у левого берега под высокими, нависшими деревьями, занял огневую позицию и хорошо замаскировался. Я же вместе с корабельным корректировоч-

²¹ Тобто командир монітору “Мартинов”.

²² Гітлерівські війська захопили Херсон 19 серпня 1941 року.

ным постом, в который входили: дальномерщик Александр Резник, радист Негин, к/о²³ сигнальщиков, он же телефонист Константин Грачев, погребной Афанасий Крицкий с ручным пулеметом и два стрелка охрания с катушками телефонного провода, на катере переправились на правый берег, где на окраине Берислава мы расположились на чердаке одного из домов. С командным пунктом (КП) стрелкового полка, кому было приказано стоять насмерть и, удерживая Правобережный плацдарм, прикрыть отходящие соединения и части 9-й армии на левый берег Днепра, мы установили прямую телефонную связь, а с кораблем – радионую по специальной артиллерийской таблице сигналов.

В штабе полка я уточнил расположение обороняющихся частей и подразделений и нанес на свою карту рубежи пристрелки тех дорог, по которым ожидалось наступление противника, а пока по ним шли наши войска, так что с пристрелкой пришлось воздержаться. Продвижение порой задерживалось, когда вражеская авиация, пользуясь отсутствием хоть какого-либо прикрытия с воздуха наших войск на переходе, безнаказанно наносила бомбовые удары и расстреливала колонны, идущие к Днепру.

Картина была не из приглядных: убитые и раненные тут же падали, многие отбежали в стороны от дороги и, бросившись наземь, стремились враси в нее, другие встречали воздушного врага стрельбой из винтовок, а некоторые, как шли, так и продолжали следовать по дороге, опустив головы, не обращая никакого внимания на то, что делается вокруг.

Глядя на последних, казалось, что им безразлично: сразит или нет осколок вражеской бомбы, или мимо пуля пролетит, даруя жизнь ему на время. Их лица отражали неимоверную физическую усталость, а во взгляде – злоба, ненависть и проклятие. <...>

О, как наш советский солдат хотел верить и верил тем, кто должен был вместе с командирами всемерно укреплять мощь армии и флота, обеспечивать повседневное партийное влияние на все стороны жизни и

боевой деятельности войск, тесно сплачивать личный состав вокруг партии и ее Центрального комитета. А они на их вопросы: “Почему мы не бьем врага на его территории?!” , “Почему мы дали ему возможность не только сунуть свое свиное рыло в наш советский огород, но и гнать нас уже по широкой степи, оставляя города и села, и наш народ на грабеж и поругание?! Где наша самая высотная и скоростная в мире авиация?! Где те машины, чья бронь крепка, – ведь танки наши быстры?! Где они?!” И на эти все мучительные тяжкие вопросы – “Где?!” и “Почему?!” , следовал сугубо директивный ответ: “Причина во внезапности нападения вероломного, до зубов вооруженного германского фашизма, под сапогом которого вся Европа. Но, товарищи бойцы! Наша партия и правительство, и военное командование предпринимают все необходимые меры, и в этом вы сами сможете убедиться: Днепроовский неприступный оборонительный вал с его мощными укреплениями послужит непреодолимым рубежом для врага, на котором он будет не только остановлен, но и повержен, и уничтожен!!!” . Не моргнув глазом каждый из нас говорил своим бойцам, будучи в полной уверенности, что это истинная правда, а не выдумка и ложь, спущенная верхними эшелонами в директивах вниз по служебной лестнице.

И каждый, спешивший к Днепру, верил в несокрушимость Днепроовского вала, хотя в действительности ничего подобного и не было. В окопах Левобережного Днепра находились лишь кавалеристы, в большинстве своем не имевшие даже винтовок и лошадей, последние были только в петлицах в виде головы, обрамленной подковой. Зато была шашка – “верное оружие” против танков и свинцового потока пуль вражеского автомата. И лишь убедившись лично в настоящей действительности, наш защитник Родины поймет, что ждать ему помощи не от кого. Исход боев на очередном широком водном рубеже – Днестре будет зависеть от таких, как и он сам, вооруженных винтовками и гранатами. А сейчас, переправляясь на катере через водную преграду, они с большой радостью и с любовью величайшей надежды смотрят на тихий, лучами летнего солнца освещенный Днепр. Как не был он

²³ К/о (укр. – к/в) – командир відділення.

похож в тот день на Днепр, воспетый Тарасом Шевченко: широкий древний Днепр был тих, он не ревел и не стонал, и волн горами не поднимал. Он мирно катил свои вечные воды к Херсону, а в лимане, соединившись с окровавленным потоком Южного Буга, уже захваченного врагом, вливался в Черное море.

Ночью 16 августа к нам на монитор “Мартынов” из Херсона на глиссере, старшиной которого был ст. 1 ст.²⁴ Николай Иванов, прибыл зам. Наркома ВМФ вице-адмирал Левченко Гордей Иванович вместе с нашим командующим контр-адмиралом Николаем Осиповичем Абрамовым. Во второй половине дня, возвратившись со штаба 9-й армии, находившегося в Бериславе, взяв один бронекатер из состава отряда капитан-лейтенанта Л. С. Шика, они ушли вверх по Днепру в Никополь, для установления связи с командованием 18-й армии, которая вместе с 9-й составляли левый фланг Южного фронта, командующим которого в то время был генерал армии И. В. Тюленев.

А ранним утром 18 августа, когда в Херсоне немцы ворвались в город и завязались уличные бои, в Каховку из Херсона прибыл буксир ИП-23, доставив баржу с бензином для бронекатеров и продовольствие для всего корабельного отряда капитан-лейтенанта Л. С. Шика. Старшим на буксире был военком дивизиона бронекатеров Григорий Федорович Войтенко, командиром – младший лейтенант Михаил Пономарев, а помощником – младший лейтенант Лев Вольфович Аксельрод, механиком – Михаил Корец, представителем особого отдела – капитан Снежков. На барже шкипером был Афанасий Иванович Смирнов и его жена Дарья Ивановна.

Поставив баржу с бензином к левому берегу под высокие нависшие деревья, ИП-23 немедленно приступил к перевозке войск, техники и гражданского населения, находившегося в тяжко страшном своем пути эвакуации, с правого на левый берег Днепра. А после заправки бронекатеров бензином, буксир, взяв баржу, вновь продолжил перевозку, принимая теперь и на баржу людей, военную технику и скот. День и ночь непре-

рывно работал ИП-23. Это был тот же колесный буксир измаильского порта, буксир – верный труженик, который с той же баржей участвовал при высадке десанта в Старую Килию и бесперебойно доставлял боеприпасы, топливо, продовольствие и необходимое техническое имущество непосредственно на огневые позиции кораблей на Дунае.

День клонился к вечеру, когда мы на мониторе сперва услышали, а потом и увидели полным ходом мчавшийся сверху вниз бронекатер. Приближаясь к месту нашей стоянки, он сбавил ход, а, пройдя и развернувшись против течения, он подошел к борту “Мартынова”.

Прибывших заместителя Наркома ВМФ и командующего ДуФ²⁵, на палубе монитора с напряженным душевным волнением встречали: командир отряда капитан-лейтенант Л. С. Шик, военком батальонный комиссар Н. Я. Шкляр и командир монитора “Мартынов” старший лейтенант А. Е. Харченко.

Выслушав доклад и поздоровавшись с каждым, вице-адмирал Г. И. Левченко в сопровождении командования отряда направился к палубному люку, ведущему в каюткомпанию. В это время командующий Н. О. Абрамов, подозвав к себе А. Е. Харченко, приказал:

– Командир! Распорядись и проверь, чтобы на бронекатер выдали суточный паек, а также и старшине Иванову, заправив его глиссер сполна бензином. Через 20-30 минут мы уйдем. Ясно?

– Так точно!

– Исполняй.

И действительно, через каких-то тридцать минут высокое начальство на бронекатере 105-м, командиром которого был лейтенант В. А. Корякин, вместе с глиссером на полном ходу ушли вниз по реке. Об их выходе Л. С. Шик сообщил радиогаммой в штаб ДуФ, которую зашифровал специальной скрытой связи ст. 1 ст. Евенко Григорий Семенович, и тут же передал в эфир опытный к/о радистов ст. 1 ст. Владимир Мовша.

²⁴ Ст. 1 ст. – старшина 1-ї статті.

²⁵ ДуФ – Дунайська флотилія.

И лишь спустя много лет, я случайно узнал, что бронекатер, на котором шли два адмирала в Цюрупинск, так как в тот вечер Херсон был уже захвачен врагом, на подходе к повороту в реку Конка с правого берега Днепра был обстрелян артпулеметным огнем противника. Стоявший в дозоре БКА-402, командиром которого был лейтенант Чужинев Анатолий Гаврилович, а командиром отряда бронекатеров – старший лейтенант Козлов Дмитрий Павлович, прикрыл их своим артогнем. Оба адмирала стояли на левом борту, за боевой рубкой, и в момент резкого поворота при заходе на полном ходу в р. Конка вице-адмирал Г. И. Левченко чуть было не упал за борт, ему помог удержаться Н. О. Абрамов. Упала лишь в реку фуражка зам. наркома Г. И. Левченко. Бронекатер и глиссер были повреждены. В Конке адмиралов на свой БКА-402 принял А. Г. Чужинев, где старший лейтенант Д. П. Козлов дал адмиралу свою фуражку. Следуя вниз по Конке, они все благополучно добрались до Цюрупинска, после чего бронекатер возвратился на линию дозора. <...>

19 августа 1941 года на монитор “Мартынов” поступила радиограмма за подписью командующего флотилии для батальонного комиссара Г. Ф. Войтенко: “ИП-23 с баржей немедленно прибыть в Цюрупинск для обеспечения кораблей топливом”. Текст радиограммы был доставлен на буксир, последний с наступлением темноты, прекратив перевозку войск и взяв на короткий буксир баржу с бензином, ушел вниз по реке. Следуя полным ходом вдоль левого берега, он удачно проскочил Правобережный укрепленный участок противника и свернул в Конку, которая вела в пункт назначения. Противник открыл артпулеметный огонь лишь тогда, когда сам буксир всем корпусом был в Конке, а ведомая им баржа втягивалась в поворот. На руле в тот момент маневрирования стоял старший рулевой Гороховский Георгий Леонтьевич, еще до войны на транспортных судах бороздивший моря и

океаны. С рассветом капитан ИП-23 младший лейтенант Михаил Пономарев привел баржу с бензином в Цюрупинск. Экипажу буксира и баржи командующим была объявлена благодарность.

С каждым днем усилия врага в районе Берислава возрастали. Но наш стрелковый полк стоял на смерть, прикрывая отходящие главные силы 9-й армии. В обороне его поддерживала сухопутная артиллерия частей, занявших оборону на левом берегу в районе Каховки и монитор “Мартынов”, который своими 4-х дюймовыми орудиями шрапнелью и фугасными снарядами уничтожал живую силу врага, а бронебойными – танки и самоходные артиллерийские установки.

В конце августа в ходе пятидневных ожесточенных боев, когда противник ввел почти до четырех дивизий пехоты, усиленными танками, самоходками и авиацией, наши войска, оборонявшие Правобережный плацдарм, были вынуждены оставить Берислав и в ночь 29-30 или 30-31 переправились на левый берег. В ту ночь наши бронекатера старшего лейтенанта Н. А. Шатаева из состава корабельного отряда капитан-лейтенанта Л. С. Шика оказали большую помощь войскам своей непрерывной весьма быстрой переправой их. Монитор “Мартынов” в очередной раз сменил огневую позицию, встав в пяти километрах выше. А когда с утра 31 августа противник начал форсировать реку, монитор открыл огонь по вражеской переправе, по которой сплошным потоком шли танки, пехота и артиллерия. Враг с ходу ворвался в Каховку, но был выбит. После трехдневных боев, 2-го сентября 1941 года Каховка была захвачена противником. Артогонь монитора в тот день корректировал старший лейтенант Андрей Савельев, находившийся на одном из бронекатеров. А в ночь с 31 на 1 сентября “Мартынов” ушел вверх, в район Никополя, в распоряжение командования 18-й армии, и вскоре к нему присоединились бронекатера.

<...>

[м. Ізмаїл]

Ф.Р-4009, оп. 2, спр. 114, арк. 56-64.

Зі спогадів О. О. Березовського «СПОГАДИ КОЛИШНЬОГО ДУНАЙЦЯ ВОГНЯНОГО 1941 РОКУ»

19 августа 1941 года под Херсоном погиб штабной корабль Дунайской военной флотилии “Буг”, на котором я, старшина 2-й статьи был командиром отделения радистов. Мы, пять сослуживцев, оставили борт корабля последними и прибыли в штаб флотилии, который размещался в Голой Пристані. Здесь мне было поручено возглавить боевое охранение на одном из островов левобережья на траверсе Херсона. Через пять дней меня направили на монитор “Ударный” для продолжения службы в должности радиста.

В этот день – 19 августа, на моих глазах, в районе элеватора от прямого попадания снаряда крупного калибра, бронекатер № 201 взорвался и на нем погиб почти весь личный состав. Это было еще до гибели “Буга”. (Об этом имеется запись в Центральном Военно-Морском архиве).

В августе-сентябре 1941 года часть кораблей нашей Флотилии, в числе которых был и монитор “Ударный”, месяцами стояли замаскированные в протоке Днепра и расстраивали планы фашистов, пытавшихся форсировать реку в районе от Херсона до выхода в море из Днепровского лимана, наносили захватчикам урон в живой силе и технике. Выполняя приказ командования об обороне Херсона, “Ударный” вместе с другими кораблями флотилии 15 августа стал на огневую позицию в протоке Конка 3 км ниже порта Херсон. (Центральный Военно-Морской архив “Хроника боевых действий Дунайской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза в 1941 г.”). В город на одну из колоколен был высажен корабельный корректировочный пост с радиостанцией, возглавил его командир артиллерийско-пулеметной боевой части (БЧ-2) лейтенант Кручин П. В. Когда 16 августа начались атаки оборонительных рубежей города передовыми немецкими частями,

“Ударный”, используя дальнобойность своей 130-миллиметровой артиллерии (19 км), в течение дня несколько раз открывал огонь по механизированным колоннам гитлеровцев на дорогах. Монитор уничтожил 20 танков и много живой силы врага. Но очень неравными были силы. 18 августа развернулись упорные бои на подступах и в самом городе. К исходу дня был дан приказ об оставлении Херсона, а 19 августа враг вступил в город.

Корректировочный пост монитора вернулся на корабль. Кручин вел огонь прямой наводкой по появившимся на пристани танкам. Около элеватора была замечена штабная немецкая машина, последним залпом “Ударный” уничтожил ее. Как выяснилось позднее, на этой машине были убиты генерал и несколько офицеров.

Ночью, командир “Ударного” И. А. Прохоров в протоке на выходе в лиман, в районе поста Красный, подыскал отличную маскирующую позицию для корабля, куда и перешел из прежней позиции. Под покровом ночи монитор выходил из укрытия и производил артиллерийские налеты по позициям противника. В один из таких обстрелов “Ударный” поджег в Херсоне нефтебазу, горевшую несколько дней. По окончании артобстрела корабль возвращался на свою стоянку и тщательно маскировался. Днем вражеские разведчики упорно летали над плавнями, но обнаружить корабль им не удавалось.

Боевые эпизоды из вышеуказанной хроники:

28 августа. “Ударный” и другие корабли Флотилии обстреливали войска противника в Херсоне. Наблюдались прямые попадания в автоколонны и скопления пехоты. Обеспечивали захват нескольких островов в районе Херсона нашими десантными группами...

30 августа. “Ударный” и два бронекатера обстреливали огневые точки противника в районе Херсона.

2 сентября. “Ударный” и три отряда бронекатеров препятствовали переправе противника через Днепр в районе Херсон-Антоновка...

13 сентября. Противник повел яростные атаки на участке Нов. Збурьевка – Чулаковка²⁶, пытаясь прорвать наш фронт, но не добился успеха. Это было после прорыва обороны 9-й армии и форсирования Днепра в районе Каховки. Лишь на левом фланге фашистам удалось нанести большие потери батальону 534-го стрелкового полка, отбросить его от Нов. Збурьевки и развить наступление дальше вдоль берега Днепроовского лимана на села Рыбальче²⁷, Шабо²⁸, Прогно²⁹. После переброски на этот участок 17-й пулеметной роты и поддержки, оказанной нашими частями, огнем “Ударного” и бронекатеров, дальнейшее продвижение противника было приостановлено...

14 сентября. “Ударный”, минный заградитель “Колхозник”, бронекатера, тральщики и глиссеры действовали в устье р. Днепр.

17 сентября. “Ударный” и бронекатера артогнем поддерживали левый фланг боевого участка в районе протоки Конка – Шабо.

18 сентября. “Ударный” из района села Покровка³⁰ поддерживал левый фланг боевого участка вблизи Рыбальче. Самолеты противника дважды бомбили наши корабли в районе Покровки. Зенитчики “Ударного” сбили один вражеский самолет...

19 сентября монитор “Ударный” получил приказ оставить оборонительные позиции под Херсоном, выйти в Ягорлыцкий залив, обстрелять наступающие фашистские танки и автоматчиков в районе села Ивановка³¹ и обеспечить отход наших армейских частей на остров Тендра.

После успешного выполнения боевого задания, 20 сентября на “Ударный” налетела эскадрилья фашистских самолетов “Юнкерс-37”, за ней вторая... Более шести часов продолжался неравный поединок, в котором наш монитор погиб. <...>

*27 листопада 1984 р.
м. Черкаси*

Ф.Р-4009, оп. 4, спр. 2, арк. 4-6.

²⁶ Нова Збур’ївка, Чулаківка – села Генічеського району.

²⁷ Рыбальче – село Генічеського району.

²⁸ Шабо (правильно – виселок Ново-Шабо) – нині у складі села Рыбальче Генічеського району.

²⁹ Прогної – нині село Геройське Генічеського району.

³⁰ Покровка – село Очаківського району Миколаївської області.

³¹ Іванівка – село Садівської сільської ради Голопристанського району.

3 листа О. О. Березовского до Б. Ю. Зецер

Как старшина 2-й статьи, командир отделения радистов штабного корабля “Буг” и участник событий роковых дней, до сих пор помню, что 19 августа 1941 года, после выполнения боевого задания по переправе на левый берег морской пехоты и раненых, “Буг” стоял у правого берега начала протоки Конка на траверсе пристани Херсона. Здесь мы проводили маскировку корабля. У левого берега протоки стояла баржа с вещевым довольствием, ее было видно в Херсон, другая баржа стояла несколько ниже, она была с боезапасом. Прорвавшиеся к берегу в район элеватора немецко-фашистские танки вступили в дуэль с нашими бронекатерами и открыли огонь по барже. Начальник плавсредств флотилии капитан-лейтенант Литовчук подошел на полуглиссере к нашему кораблю и приказал: “Николаев! Подойди к барже, возьми ее на буксир и отведи пониже!” На “Буге” прозвучала команда по выполнению этого приказания... Когда корабль появился на виду у противника, он перенес огонь на нас, с третьего залпа пошли прямые попадания, на палубе были

убитые и раненые, погиб командир корабля лейтенант Николаев Георгий Федорович, повреждены левое гребное колесо и рулевое устройство, один за другим возникли очаги пожара – горели надстройки, кубрики, каюты, радиорубка. Личный состав под артиллерийско-минометным огнем противника, действуя слаженно, пустил в ход все аварийные средства, но потушить пожар нам не удалось. Я крикнул в машинное отделение: “Давай полный назад!”, а в ответ услышал: “Повреждена машина, грозит взрыв котлов!” Но старшина котельных машинистов Буряк (кстати, он кажется из Херсона) успел открыть предохранительный клапан и взрыва не последовало. Потеряв ход, горящий корабль сел на прибрежную мель, закрыл собой баржу и принял на себя огонь противника. Положение было безвыходное. На палубе нас оставалось еще семь человек. Будучи старшим по званию, я распорядился снять со стойки пулемет на мостике, взять винтовки, боезапас и оставить борт корабля. <...>

8 жовтня 1985 р.
м. Черкаси

Ф.Р-4009, оп. 4, спр. 2, арк. 7-8.

Зі спогадів В. П. Молоткова «ПОДВИГ ДУНАЙЦЯ»

18 августа 1941 года врагу ценой больших потерь удалось ворваться в Херсон. Немногочисленные, обескровленные части Дунайской военной флотилии завязали кровопролитные уличные бои. За каждую улицу фашисты расплачивались жизнями своих солдат и офицеров. Но силы были слишком неравны, и к концу дня врагу удалось захватить город³². Я находился на мониторе “Ударный”. Здесь же на корабле был и штаб флотилии. Командующему флотилией доложили, что коменданту Херсона капитану третьего ранга К. М. Балакиреву не удалось выбраться из порта. Кто-то видел его с двумя матросами возле элеватора. Было принято решение направить на выручку Балакирева бронекатер. Возглавить операцию решили командир дивизиона бронекатеров капитан-лейтенант И. К. Кубышкин и комиссар дивизиона полковой комиссар К. Т. Семенов. Для обеспечения их скрытой связью на борт бронекатера перешел специалист скрытой связи³³, старшина первой статьи Иван Абиночко.

Уже вечерело, когда бронекатер отвалил от борта “Ударного”. Вспенивая винтами рыжеватую воду, он устремился в порт. Немецкие танки открыли по кораблю огонь. Нам в бинокли хорошо было видно, как ловко катер увертывался от огня, нанося врагу потери. Вот вспыхнул один танк, второй... Но чем ближе к причалу, тем сложнее маневрировать. Катер получил прямое попадание, вспыхнул и стал тонуть. Погибла вся команда, в том числе командир и комиссар дивизиона. Лишь Абиночко чудом уцелел. Он выбросился в воду и поплыл к противоположному берегу. Немцы заметили моряка и открыли по нему пулеметный огонь. Иван Абиночко был прекрасным пловцом и, ныряя, уходил от пулеметных очередей. Но плыть ему было тяжело. В левой руке он держал металлический ящик с секретными документами связи. “Погибну, но ящик из

рук не выпущу” – решил он. Видимость уже стала плохой, и немцы перестали стрелять. Абиночко удалось снять с себя ботинки, брюки, форменку. Плыть стало легче.

Было уже совсем темно, когда он почувствовал под ногами дно. Осторожно вышел на берег, отдышался. Как быть с секретными документами? Взять с собой? А вдруг напорешься на немецкую разведку или попадешь в засаду? Абиночко принял решение утопить ящик с документами в Днепре недалеко от берега. Он снова вошел в воду, забрел по плечи и положил ящик на дне. Возвращаясь обратно, он сосчитал, сколько шагов до берега, а, выбравшись на берег, заломил ветку ивового куста. Направился искать своих. Вначале он не чувствовал холода, теперь же его бил озноб. Через несколько шагов его остановили окриком:

– Стой, кто идет?!

– Свои.

– Свои у соседа корову со двора увели, пароль?!

– Пароля не знаю.

– Руки вверх, кругом! – раздалась строгая команда.

– Да ты что, я же свой.

– Не разговаривать, руки вверх, иначе буду стрелять!

Делать нечего, пришлось подчиниться.

Последовала новая команда:

– Правое плечо вперед, марш!

Абиночко привели в свежерытый блиндаж.

– Товарищ главный старшина, – доложил морской пехотинец, – задержан подозрительный человек, он приплыл с того берега и, когда убедился, что за ним никто не наблюдает, снова вернулся в воду, похоже, что там он что-то сховал. Хоть и темно было, но я это заметил.

– Документы! – потребовал главный старшина, потом спохватился – вся одежда задержанного состояла из трусов и тельняшки, спросил:

– Кто такой?!

Абиночко объяснил.

³² Гітлерівські війська захопили Херсон 19 серпня 1941 року.

³³ Тобто шифрувальник.

– Подозрительно все это, человек хороший. Вся команда погибла, а ты даже и одной царапинки не получил. По-до-зритель-но! – потом, подумав, добавил. – Вот что сделаем: закроем тебя до утра в блиндаже, а утром кому надо разберутся, что ты за птица.

– Но я же мокрый, замерзну до утра.

– Ничего, сейчас лето и притом здесь Херсон, а не Мурманск.

Затем главстаршина распорядился:

– Ткаченко; принеси ему плащ-палатку, а то чего доброго и в самом деле простудится. Да вот еще, зайди за Николаевым, вдвоем будете охранять.

– Товарищ главный старшина, до утра мне оставаться здесь нельзя, дело очень важное и срочное, сообщите обо мне в штаб флотилии на монитор “Ударный”.

– Может быть самому командующему? – не без иронии спросил главный старшина. – Где и как я найду монитор “Ударный”?

– Он недалеко от Херсона, замаскирован в кустах ивняка.

– Все мы недалеко от Херсона. Посиди до утра, а утром разберемся.

Принесли плащ-палатку. Абиночко вернулся в нее, стало теплее.

Несмотря на усталость заснуть не мог, сказывалось нервное напряжение. Охраняющие советовались: “Петро, может покурить дадим перебежчику, пусть губы погрет”. “Да ну его, буду я с врагом табаком делиться!” “А может он не враг, видишь он с украинским выговором”. “Ты мне этого не говори, у меня на фрицев глаз наметан”.

Под утро Иван Антонович задремал. Его разбудили вошедшие в блиндаж главный старшина и неизвестный старший политрук.

– Кто такой? – спросил политрук.

– А вы?

– Я оперуполномоченный особого отдела флотилии.

– Я специалист связи отряда бронекатеров, спасшийся вчера во время гибели корабля.

– Насколько мне известно, спастись никому не удалось.

Абиночко рассказал все, как было.

– Может быть и действительно все это так, но где же секретные документы?

– Я их спрятал.

– А может быть они уже у немцев?

– Это исключено.

– Ну, вот что. Я сейчас попробую сообщить вашему начальству, а пока пойдете искать ваш сейф.

– Только захватите с собой морского пехотинца, который вчера меня задержал, иначе мне того места не найти.

Позвали Ткаченко. Он сказал, что даже с закрытыми глазами найдет то место. Но на деле оказалось все не так-то просто. Не только с закрытыми, но и с открытыми глазами на поиски места затратили больше часа. Абиночко спустился в воду, отсчитал шаги, но ящика на месте не оказалось. Ходил вправо, влево, вперед, назад, безрезультатно.

– Слушай, ты не морочь мне голову, может быть, ты свой ящик на бронекатере оставил, а теперь ищешь вчерашний день? – не выдержал оперуполномоченный.

Но Иван настойчиво продолжал поиски. Он чуть не вскрикнул от радости, когда, наконец, пальцами ноги нашупал стальной бок портативного сейфа. Он нырнул, и оказался из воды, держа над головой то, что искал. Вышел на берег, сел рядом с оперуполномоченным.

– Надо же за одну ночь так в ил засосало.

– Ну, открывай, посмотрим, что там у тебя в этой шкатулке.

– Не могу, товарищ старший политрук. Ключ-то в кармане брюк остался, да и не имею я права показывать посторонним документы.

– Что ж, у тебя и от меня есть секреты?

– Секреты не мои, государственные.

– Ну ладно, – согласился оперуполномоченный, – пошли.

В блиндаже их уже ждал специалист скрытой связи штаба флотилии Вася Шमितько.

– Ваня, жив! – бросился он обнимать товарища. А мы считали тебя погибшим.

Старший политрук молча наблюдал встречу друзей и вместе с ними радовался тому, что и сам он как-то причастен к этому событию.

Я вас больше не задерживаю, – сказал он, – извини друг, служба у нас такая, ведь у тебя на лбу не написано, кто ты.

– Да разве я в претензии. Я бы на вашем месте поступил бы точно также.

На “Ударном” Абиночко одели, во что могли. Потом помощник начальника связи Нечаев повел Абиночко на доклад к начальнику штаба капитану 2-го ранга В. В. Григорьеву. Виссарион Виссарионович попросил подробно рассказать о гибели бронекатера, о судьбе командира и комиссара дивизиона, всей команды.

К вечеру у Абиночко поднялась температура. Сказалось длительное переохлаждение организма. Нечаев решил отправить Абиночко в Севастополь на лечение и отдых, благо туда была оказия. По приказу командующего флотилией все лишнее имущество было погружено на баржу для отправки в Севастополь. На баржу были также перенесены раненые, больные. Погрузились на нее женщины и дети. Абиночко категорически отказался идти в Севастополь, и пришлось использовать силу приказа.

– Я отправляю вас в командировку, – заявил Нечаев. – Вот этот пакет вы доставите в штаб флота.

В пакете из толстой коричневатой бумаги среди прочих документов была небольшая записка, в которой Нечаев просил помощника начальника связи флота М. А. Эпштейна дать Абиночко недельку отдохнуть в Севастополе.

Грустным поднимался Иван Антонович на борт баржи. Он знал, что дунайцам в ближайшие дни предстоят тяжелые бои и считал себя вроде дезертира. Но приказ есть приказ. Вечером караван двинулся вниз по Днепру. Солнце шло на закат, обливая прибрежные кусты и траву мягким багровым светом. Люди устраивались поудобнее, знали, что до Севастополя путь не близок. С наступлением темноты, некоторые, пожевываясь от вечерней прохлады, спустились в трюм. Абиночко же и еще несколько человек остались на палубе. Тишина. Даже не было обычных сполохов от артиллерийской перестрелки. Смолянистая гладь реки, крупные яркие звезды на темно-синем небе, тоненький серпик луны. Казалось, что война осталась где-то очень далеко, ничто не пред-

вещало беды. Но она была тут, рядом. Раздался сильный взрыв, баржа будто подпрыгнула, тугой взрывной волной Абиночко швырнуло в воду. Иван Антонович несколькими взмахами сильных рук добрался до берега, но потом вдруг упрекнул себя и вернулся обратно туда, где медленно уходила под воду баржа. Перепуганные люди кричали, просили о помощи.

– Тону, помогите! – услышал он раздирающий душу крик девочки. Поплыл на голос. Ухватил девочку за косичку.

– Не кричи, захлебнешься. Все будет хорошо. Не хватай меня за руки.

При следующем заплыве он помог женщине с ребенком, потом подсобил раненому матросу добраться до берега. Сколько раз он сплавал туда и обратно Абиночко не знал. Вышел из воды только тогда, когда убедился, что на месте катастрофы больше никого нет.

Спасшиеся, по настоянию большинства, решили остаться на берегу и ждать утра. Абиночко направился в обратный путь – искать своих.

Мокрым, продрогшим прибыл он на “Ударный”. Мы опасались, что, добавив себе простуды, он наверняка заболит воспалением легких. Но все обошлось благополучно. Видимо, в такие минуты, когда вся воля собрана в кулак, организм человека мобилизует все жизненные резервы.

После нескольких дней тяжелых боев флотилия была вынуждена уйти из Днепра и направиться к Кинбурнской косе. Абиночко по его просьбе оставили служить на мониторе “Ударный”.

В один из боевых походов монитор “Ударный” в Ягорлыцком заливе атаковала большая группа фашистских самолетов. Идущие гуськом друг за другом фашистские стервятники вдруг клевали носом и устремлялись вниз бомбы и, выходя из пике, чуть не задевали мачты корабля. Монитор маневрировал, отбивался всей своей огневой мощью. Работали даже пушки главного калибра. Но вот бомба угодила в корму. Вышла из строя одна машина. Раненым кораблем стало трудно управлять, он стал медлительным, неповоротливым. Еще несколько бомб попало в монитор. Погиб командир корабля Иван Александрович Прохоров и еще не-

сколько моряков. На стальной палубе лежали в лужах крови раненые. Абиночко понял, что настала пора уничтожить секретные документы. Но где и как это сделать? Лучшим местом, по его мнению, был камбуз. Кок по боевой тревоге был у счетверенного пулемета и в камбузе никого не было. Абиночко пробрался на камбуз, закрыл дверь на задрайку и стал лист за листом сжигать документы. Раздался вновь сильный взрыв, корабль как будто подбросило, затем он стал медленно оседать. В дверь камбуза чем-то ударили, кто-то крикнул:

– Эй, кто там, на камбузе, быстро выбрасывайся за борт, монитор тонет!

О том, что монитор погружается, Абиночко знал и сам, но еще оставалось несколько несгоревших листов документов. Но вот мигнул и погас последний фиолетовый огонек. Обжигая пальцы рук, Абиночко тщательно растер горячий пепел, и, убедившись, что все сгорело дотла, решил покинуть камбуз и выброситься за борт. Но сделать это оказалось не так-то просто. Дверь камбуза заклинило, и она не открывалась. Он толкал ее плечом, бил ногами, но она не поддавалась. Абиночко оказался в западне. Он понимал, что через минуту-другую уйдет на дно вместе с кораблем. Помощи ждать неоткуда. Он обшарил глазами камбуз, надеясь найти что-нибудь тяжелое, чтобы ударить по двери и его внимание привлекла кастрюля. Она была наполнена водой. Только бы не расплескать воду. Тяжелой кастрюлей он изо всех сил ударил в дверь. Кажется, образовалась маленькая щелочка. Абиночко разбежался и, что было мочи, толкнул дверь плечом. Она подалась. Еще и еще раз налегал на дверь до тех пор, пока она не открылась настолько, что можно было пролезть.

Абиночко нырнул и вынырнул метрах в десяти от корабля. Все моряки старались как можно быстрее подальше отплыть от

монитора, чтобы не затянуло в пучину вместе с кораблем. В воде Абиночко сбросил с себя одежду, ботинки, плавать стало легче. Он быстро настиг товарищей, потом повернулся в сторону корабля и с болью в сердце наблюдал, как уходят под воду надстройки, а потом и мачты. Корабля, который был для моряков и оружием и домом, не стало. На месте гибели одиноко покачивался порванный спасательный круг. Абиночко подплыл к нему. Круг был хорошим подспорьем. Снова догнал товарищей. Некоторые были ранены, но упорно держались на воде. К берегу не плыли, потому что знали: бесполезно. Проплыть несколько километров мог только хорошо натренированный человек. Было принято самое правильное решение: держаться на воде и ждать помощи. В штабе знают о гибели “Ударного” и наверняка пришлют катера.

– Корешки, помогите, тону! – раздался слабый крик раненого моряка. Абиночко быстро подплыл к нему.

– За круг держаться сможешь?

– Попробую.

– Держись! – передал он круг товарищу.

– А ты?

– Держись, тебе говорят!

– Дружок не отплывай от меня, вдруг мне будет плохо.

– Останусь рядом с тобой.

Было уже темно, когда на место гибели монитора пришел тральщик и подобрал спасшихся моряков.

После этого мы заметили, что волосы у блондина Ивана Абиночко стали совсем серебристыми.

– Ничего, мы еще повоюем, – говорил Иван Антонович. И он вновь сражался до тех пор, пока Черноморское побережье не было очищено от врага. <...>

*1982 р.
м. Новгород*

Ф.П.-3562, оп. 3, спр. 45, арк. 68-75.

Зі спогадів Я. С. Устименка

«ВЕЛИКА БИТВА НА ДНІПРІ В РАЙОНІ КАХОВКИ»

Сколько лет прошло, а память о людях, с кем пришлось идти по фронтовым дорогам первые месяцы Великой Отечественной войны, не тускнеет. Многие из них не дожили до счастливого радостного дня 9 мая 1945 года, сложив головы еще в первых неравных боях за Родину; другие, испытав счастье победы, преждевременно ушли из жизни в послевоенные годы. Но все они остались в сердцах тех, кто их знал, кто с ними перенес тяжелое бремя войны.

Страшное слово “война”. Но еще ужаснее война в ее реальности. Сожженные, разрушенные города и села, сгоревшие поля, грохотом горящая земля, вода, небо. А на дорогах войны – раненые, убитые, братские свежие могилы и одинокие холмы. Вот теперь, когда уже и уже становится круг фронтовых друзей, все чаще вспоминаются фронтовые дороги, все чаще память воскрешает пережитое – доблесть, стойкость, подвиги и отвагу моих однополчан-перекопцев. Не вычеркнуть из памяти грозные события и отдельные героические эпизоды Великой Отечественной войны, о которых хотелось бы поведать нашим потомкам.

Шел август месяц 1941 года, 51-я Перекопская трижды орденосная им. Моссовета стрелковая дивизия вела неравные бои с превосходящими силами противника на реках Прут, Днестр, Южный Буг, отошла на левый берег р. Днепр и заняла оборону в районе г. Голая Пристань и г. Цюрупинск. Но так как противник наносил главный удар в направлении Каховки, командование 9-й армии решило срочно перебросить нашу дивизию из-под Херсона в район Каховки с задачей любой ценой задержать противника в этом направлении, не дать ему возможность с ходу форсировать р. Днепр, овладеть левым берегом и Каховским плацдармом. При этом учитывались традиции 51-й Перекопской стрелковой дивизии, которая в период гражданской войны в 1920 году вела кровопролит-

ные бои с врангелевскими войсками на Каховском плацдарме 82 суток, и с этого плацдарма пошла на штурм Перекопа и освобождение Крыма.

Перекопцы с ходу вступили в ожесточенные бои. Бои разгорались такие, что под ударами артиллерийского, минометного огня, бомбовых ударов с воздуха, казалось, погибнет все живое на земле. Фашисты пытались с ходу форсировать в этом направлении Днепр, выйти на левый берег и овладеть Каховским плацдармом, который являлся тактическим и оперативным пунктом для дальнейшего развития наступления на Крым и Донбасс. Днем и ночью фашисты на самоходных баржах, катерах и надувных лодках, прикрываемые артиллерией и авиацией с воздуха, пытались форсировать Днепр, но безуспешно: все их атаки терпели неудачи. Перекопцы своим огнем уничтожали все, что появлялось на реке в нашем секторе. Были периоды, когда эта могучая река становилась розовой от человеческой крови. Перекопцам приходилось по несколько раз в сутки вступать в рукопашные бои с теми фашистами, которым удавалось достигнуть левого берега Днепра. Несколько дней мы вели упорные бои, удерживая Каховский плацдарм. Воды Днепра унесли тысячи трупов фашистов.

В период этих оборонительных боев на Каховском плацдарме несли и мы потери. Несколько раз части и подразделения дивизии пополнялись за счет жителей Каховки и Донбасса. <...>

Да, массовый героизм советских воинов проявился сразу же, с первых дней войны. Но враг был силен, имел численное превосходство в живой силе, технике, особенно в танках и авиации. На нашем участке фронта наступали против нас части танковой армии генерала Клейста, и все же около месяца перекопцы и наши соседи задержали противника на этом рубеже. Мы дали возможность демонтировать и эвакуировать вглубь страны важнейшие ме-

таллургические заводы Запорожья, Днепродзержинска, Днепропетровска и Донбасса. В оборонительных боях на Днестре и Каховке проявили стойкость и мужество воины-перекопцы 23-го и 263-го стрелковых полков, 218-го артиллерийского полка, 91-го ОПТД³⁴. На участках этих частей шли все время самые напряженные бои и выделить отдельных лиц, отличившихся в боях, невозможно. Здесь был массовый героизм. <...> хорошо помню, что многие командиры, политработники, сержанты и солдаты, будучи ранеными, оставались в строю на поле боя. Нелегко пережить потерю близких боевых друзей, с кем еще в советско-финскую войну на Карельском перешейке штурмовали линию Маннергейма, с кем вели упорные бои на Дунае, на Пруте, на Днестре и Южном Буге. Особенно больно было, что не всех пришлось похоронить по-человечески, с воинскими почестями, которые они заслужили.

Но, несмотря на все это, моральный дух, высокий патриотизм воинов-перекопцев не был сломлен. Это подтверждается такими фактами: за период оборонительных боев на Каховском плацдарме партийной комиссией было принято в ряды Коммунистической партии более ста пятидесяти человек – солдат, сержантов и командиров. Правда, политотдел не всегда успевал всем принятым своевременно вручить партийные билеты и кандидатские карточки, но все равно из партийной комиссии воины шли в бой коммунистами.

<...> В те тяжелые дни боев в нашей дивизии около десяти суток находился писатель Борис Горбатов. Мне не раз приходилось встречаться с писателями в период оборонительных и наступательных боев, они тогда были военными корреспондентами центральных и фронтовых газет. Это люди бесстрашные, под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем они пробирались до батальона, роты и взвода, старались все видеть своими глазами – как советские воины выполняют свой долг перед Родиной, презирая смерть, как сражались, не щадя своей жизни.

Подвиги воинов, описанные корреспондентами, это не надуманные истории, не вымышленные герои: писатели все видели своими глазами, часто с воинами ходили в атаку, и многие из них пали смертью храбрых на поле битвы, другие – получили ранения, увечья.

Пока находился в нашей дивизии Б. Горбатов, начальник политотдела 9-й армии дивизионный комиссар А. Тевченков все время по телефону предупреждал меня, чтобы оградить Б. Горбатова от опасности. Но писатель все мои советы выслушивал внимательно, а бывал там, где считал быть необходимым, для того, чтобы получить материал из первоисточника. Позже в одной из газет он описал опыт работы партийной комиссии 51-й Перекопской стрелковой дивизии. Статья эта была названа так: “Считайте меня коммунистом” <...> Б. Горбатов правильно предсказал, что к старой песне о Каховке будут прибавлены строки песни о Днестре: “Кто погиб за Днепр, будет жить в веках, коль сражался он как герой”. Эта песня воскрешает великую битву на Днестре и за Каховку в горестный 1941 год, и сколько бы лет ни прошло, битва за Днепр на Каховском плацдарме останется в сердце каждого из нас. Из поколения в поколение будет передаваться правда о героических подвигах перекопцев и всех советских воинов, оборонявших Днепр в 1941 году, и тех, кто форсировал его в 1943 году. Эта битва оплачена жизнями многих советских воинов, в том числе моих однополчан-перекопцев. Но вера в победу помогла воинам-перекопцам преодолеть горечь наших первоначальных неудач, пережить потерю боевых друзей. И все же вместо выбывших из строя коммунистов, ряды партии пополнялись новыми коммунистами, которых принимали в партию в коротких передышках боя. Каждый из них считал своим долгом быть всегда впереди, быть там, где опаснее для жизни. Они не боялись смерти потому, что верили в победу и готовы за нее отдать жизнь.

В двадцатых числах сентября 1941 года по приказу командования 9-й армии мы оставили р. Днепр и родную нашему сердцу Каховку, оставили навсегда на Ка-

³⁴ ОПТД – окремих протитанковий дивізіон.

ховском плацдарме своих боевых друзей-перекопцев, павших смертью храбрых, и с боями отошли на мелитопольские позиции. Несмотря на то, что пришлось опять отступить, моральный дух перекопцев оставался высоким. <...> Мы, перекопцы, оставшиеся в живых и в строю, вернулись на Днепр в 1943 году, но уже в других частях и соединениях.

Да, тяжело было расставаться с родным Днепром, а автору этих строк вдвойне. Я вырос на Днепропетровщине, и все, что было создано на Днепре за первые предвоенные пятилетки, было и моей частью труда. Но наши силы в 1941 году были неравны, и мы уходили с боями, задерживая противника на новом рубеже, чтобы дать возможность нашей стране полностью закончить перевод всего нашего народного хозяйства на военные рельсы.

Проявленная стойкость, мужество и героизм воинов всех категорий в первые месяцы Великой Отечественной войны 1941 года, вера в победу, заложили фундамент наших последующих успехов в разгроме фашистской Германии. Поэтому, воины 1941 года достойны того уважения, что и те, кому посчастливилось остаться в

живых и дойти до Берлина и Праги и, особенно мы, прошедшие горнило войны и оставшиеся в живых, должны прославлять тех, кто сложил свои головы на поле битвы в первые дни и месяцы войны, не дожив до счастливого дня победы 9 мая 1945 года. Те, кого нет среди нас, они о себе, о своем героизме и отваге не скажут, а мы – их боевые, фронтовые друзья-однополчане, пока живы, должны выполнить свой долг, рассказать обо всем пережитом нашим потомкам, чтобы они об этом знали и проявляли внимание и заботу к братским могилам, памятникам и семьям погибших. Надо, чтобы следопыты вели непрерывную поисковую работу, чтобы у нас не было ни единой безымянной могилы. Свои краткие воспоминания, посвященные 40-летию боев на р. Днепр и Каховском плацдарме август-сентябрь 1941 года, хочу закончить словами Евгения Долматовского: “Надеюсь, что общими усилиями нам удастся выволить из забвения прекрасные тайны истории и сделать подвиги героев 1941 года достоянием современников и потомков. Постараемся собрать такие данные, пока мы живы и есть у нас силы. А потом пусть события и факты нашей жизни становятся основанием для легенды”.

1982 р.
м. Кишинів

Ф.П-3562, оп. 3, стр. 45, арк. 60-67.

3 листа Н. И. Вейцмана до В. П. Рилёва

<...> Несколько слов о формировании и строительстве 127-й артиллерийской морской батареи Черноморского флота.

В конце августа 1941 г. решением Военного Совета Черноморского флота, для обеспечения защиты северного входа в Крым, к Керчи и Севастополю было принято решение о создании отдельного артиллерийского дивизиона морских орудий, сформированного из моряков Черноморского флота, в составе 120-го отдельного Чонгарского дивизиона, и находилась батарея 127.

Я в это время находился на 35-й береговой батарее г. Севастополя, занимая должность секретаря комитета ВЛКСМ, в звании младший политрук.

В конце августа, дату сейчас не помню, я был вызван в Политуправление ЧФ, отдел кадров, где получил приказ принять участие в формировании 127-й артбатареи, в качестве комиссара.

Состав формируемой батареи в основном был из краснофлотцев, старшин и офицеров запаса первой очереди, т.е. только что перед войной отслуживших и демобилизованных.

И вот при формировании и состоялось мое знакомство с Василием Назаровичем Ковшовым. С ним вместе мы и прошли весь путь формирования, передвижение на батарею, приемку её и бой на Арабатской Стрелке в сентябре 1941 г.

В связи с тем, что командир батареи не был назначен в процессе формирования батареи, фактически ею командовал командир огневого взвода младший лейтенант В. Н. Ковшов. Невысокого роста, рыжеватый, с пронзительным, командным голосом В. Н. Ковшов успевал везде, переговорить с прибывающими краснофлотцами, побывать на базе, проверить получение оружия, сухих пайков, обмундирования.

В течение недели мы вместе сформировали личный состав батареи, погрузились в вагоны и начали движение к месту строительства, расположению батареи.

Дело в том, что командование Черноморского флота решило использовать для защиты Чонгарского моста, Перекопа и

Арабатской Стрелки скорострельную морскую артиллерию, показавшую себя в обороне Одессы, как наиболее эффективное оружие в борьбе с танками, мехчастями противника.

Было поручено инженерным войскам флота и армии построить батарею на Арабатской Стрелке, установив морские орудия на стационарные основания. Таким образом, батарейные позиции еще строились, а мы должны были прибыть с личным составом и принять ее от строителей в "эксплуатацию".

Хотелось бы сообщить, одну подробность, незаслуженно забытую всеми, строительства позиции 127-й батареи, о ее главном строителе. Артиллерийские позиции 127-й отдельной артиллерийской батареи Черноморского флота строил Арчил Викторович Геловани, тогда майор, а затем маршал военно-инженерных войск Советского Союза, заместитель Министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск, лауреат Ленинской премии, заслуженный строитель РСФСР.

А. В. Геловани построил батарейные позиции, и, сдавая нам их, участвовал в боях 15-17 сентября 1941 г. на Арабатской Стрелке, т.е. проверил свои инженерные сооружения в действии.

Прибыв на батарейные позиции, мы увидели четыре артиллерийских дворика, в которых были размещены скорострельные морские пушки, полностью оборудованный командный пункт, пункт управления огнем, траншейные переходы и горы орудийных ящиков со снарядами, артпогреба еще не были закончены.

Вся артиллерийская позиция находилась на песчаном бугре, который назывался Генической Горкой и был единственной возвышенной точкой на Арабатской Стрелке; впереди просматривался город Геническ, строения пионерлагеря, сзади деревушка, а справа и слева Сиваш и Азовское море.

Василий Назарович определил расстановку личного состава, была начата приемка батарейных позиций и начата учеба. Начались будни военных дней.

Нужно отметить, что мы были в постоянной боевой готовности, но серьезного контакта с частями 51-й армии не имели. К 10 сентября на Арабатскую Стрелку, к мосту под г. Геническ, т.е. впереди нас, был переброшен пехотный батальон или рота прикрытия, которая первой должна принять удар противника, фактически прикрыть батарею.

Особо напряженной стала обстановка к 13-14 сентября, информация о движении наших войск в сторону Геническа и нашу отсутствовала или была противоречива.

14 сентября ночью я и 5-ть краснофлотцев, используя автомашину “ГАЗ”, провели разведку в г. Геническе, который фактически был оставлен нашими войсками, тогда этого мы не знали. Просто поразила глубокая тишина в городе.

Потом было установлено, что 14 сентября 1941 г. войска II-й немецкой армии, 22-я пехотная дивизия, левым флангом подошла к г. Геническу и 15 сентября захватила его³⁵. Все это нам стало известно позднее.

Основные события и действия батарей начались 15 сентября во второй половине дня и продолжались до 17 сентября 1941 г.

15 сентября, примерно в середине дня Ковшов позвал меня на КП³⁶, где был и Геловани, и говорит “посмотри (в стереотрубку), кто это движется в сторону пионерлагеря из Геническа, т.е. в сторону батарей. Наши или нет?” Смотрю и вижу, идут автомашины типа наших ЗИС-5, в них сидят бойцы в комбинезонах и пилотках.

Едут совершенно спокойно. Мы смотрим все друг на друга и не можем решить. Пока мы размышляли, боевую тревогу все-таки сыграли, все стояли по местам.

Опять смотрим, видим, автомашины подъехали к зданиям пионерлагеря. Люди спрыгивали, входят в здания, загорается костер. По поведению понять ничего нельзя.

Представьте себе положение: двое молодых людей, командиров, впервые столкнувшихся с такой ситуацией, вынужденных принимать ответственный решение, т.к. за нами вход в Крым, выход на Керченскую военно-морскую базу и, самое главное, мы

твердо знали, что до самой Керчи за нами никого НЕТ.

И еще один сугубо профессиональный вопрос, батарея расположена была на горке, при определенном приближении к ней создавалась т.н. мертвая зона, т.к. пушки имели определенный угол наклона, если враг войдет в “мертвое пространство”, то батарейные позиции могут быть защищены только в рукопашном бою, а его, естественно, мы бы выиграть не могли. Такова была ситуация.

И вдруг мы видим, едут мотоциклисты в рогатых шлемах, и движутся два или три танка. Все стало на свои места. Будем говорить прямо, мы с Ковшовым прямо обрадовались, это был враг.

Василий Назарович, посоветовавшись со мной, подал команду: “Первое и второе орудие, прямой наводкой открыть огонь, залпами по зданиям, скоплениям людей, техники пионерлагеря; третье-четвертое орудие, огонь по бакам”, которые виделись с правой стороны Геническа. И тут батарея, ее люди показали себя. Снаряды полетели очередями, пушки были скорострельные и мы увидели, как начали гореть автомашины, взрываться мотоциклы, несколько снарядов попало в домики. В ответ на наш обстрел, по батарее был открыт минометный огонь. Так прошел день 15 сентября.

Ночь была тревожной, Ковшов распорядился часть батарейцев выставить в боевое охранение перед Генгоркой. Утром 16 сентября начался обстрел батарейных позиций ураганным артогнем из Геническа, минометным – с позиции моста и пионерлагеря.

Появились убитые и раненые. Мина взорвалась прямо в дворике первого орудия, два краснофлотца были убиты, половина расчета ранена. Но почти все раненные остались на своих местах.

Весь день почти не утихал обстрел батарей, на батарее не оставалось клочка земли, не перепеханного миной. Но то ли боевое счастье, то ли правильное расположение позиции, ни одного попадания в снарядные ящики не было. Но все мы были счастливы, видя, что фашисты не продвигаются, не могут идти под нашим огнем.

Сколько чего мы вывели из строя, мы тогда не считали, да и не до этого было.

³⁵ Гітлерівські війська захопили Генічеськ 16 вересня 1941 року.

³⁶ КП – командний пункт.

Ночью на 17 сентября мы отправили раненых в деревню. Напряжение с каждым часом росло, впереди враг, что сзади, с боку мы не знали. Вместе с Ковшовым обошли все позиции, поговорили с людьми, все очень устали, но настроение было боевое.

Теперь уже можно сказать, собрав коммунистов, я с В. Н. Ковшовым решили, на всякий случай, подготовить батарейные позиции к взрыву, т.е. если сложится обстановка, то врагу не сдавать орудия и, естественно, себя. Все было проделано, везде были заложены толковые шашки, под пушки со снарядами, шнуры были выведены на КП.

Во второй половине ночи вдруг раздался шум моторов самолетов и на батарею посыпались авиабомбы. Мы растерялись, затем была подана команда – “первое орудие по Геническу огонь”. Было сделано не более 5-ти выстрелов и мы услышали, что шум моторов стал удаляться к г. Геническу и увидели взрывы авиабомб.

Впоследствии оказалось, что командование флота и армии, получив неправильную информацию о якобы гибели и захвате фашистами 127-й батареи, дало указание отряду МБР-2³⁷ Черноморского флота пробомбить позиции, захваченные врагом. Летчики, увидев выстрелы на город, догадались и сбросили бомбы на настоящего врага.

17 сентября начался ураганный обстрел батарей, двигаться можно было только ползком. Все было покрыто пылью, дымом, слышались стоны раненых. Но батарея стреляла и как стреляла. По скорострельности мы в несколько раз превосходили врага, особенно доставалось фашистам, оказавшимся в пионерлагере. Вдруг мы увидели два или три взрыва, мощных и ярких, загорелись два танка.

А затем, за большим зданием пионерлагеря, что-то громко ухнуло, взвился столб дыма и огня, и здание начало рушиться. Вероятно, мы попали в склад огнеприпасов. И вдруг, и это при интенсивном обстреле

батарей, слышим, на втором орудии закричали: “УРА”. Ковшов бросился к стереотрубе и закричал “уходят”, и мы увидели незабываемую картину: фашисты начали отходить. Тогда мы всеми четырьмя орудиями открыли огонь прямой наводкой по отходящему противнику. Что там было, горели автомобили, мотоциклы. Если бы видели, как “драпают” “хваленые” волки, вы бы испытали ту неукротимую ярость, какую испытали наши краснофлотцы. Обстрел батареи из Геническа продолжался, но Арабатская Стрелка была очищена от врага.

Сейчас я не могу припомнить все фамилии героев этих дней, прошло много времени, да и контузия дает о себе знать. 17 сентября во время обстрела, когда я перебежал от одного артдворика до другого, меня, как говорят, подняло на двух снарядах, т.е. я попал в вилку разрыва двух снарядов, меня подбросило взрывной волной и контузило. Но я остался на батарее до 20 сентября, когда был увезен в Керченский ВМ госпиталь, и потерял связь с батарейцами и В. Н. Ковшовым.

18 сентября на батарею прибыл морской отряд Керченской ВМБ³⁸ под руководством контр-адмирала Васюнина; затем прибыл член Военного совета 51-й армии корпусной комиссар Николаев, журналист тогда “Красной Звезды” К. Симонов.

Главное было сделано: моряки-артиллеристы 127-й батареи Черноморского флота, воспитанные Коммунистической партией Советского Союза, выстояли в неравном бою, в кровопролитной борьбе с фашистской ордой, отбили все их атаки, и ценой своей жизни, ценой своей крови не отдали врагу ни одной пяди земли Арабатской Стрелки, не пропустили врага в Крым.

В этом высокая заслуга краснофлотцев, старшин, офицеров 127-й морской арт-батареи Черноморского флота. <...>

Таков маленький кусочек истории 127-й артиллерийской батареи Черноморского флота в боях за Крым

Ф.П.-3562, оп. 3, спр. 45, арк. 125-133.

[1982 р.]

³⁷ МБР – морські бомбардувальники.

³⁸ ВМБ – Військово-Морська база.

Зі спогадів М. Р. Зимовця

<...> В первых числах сентября, мы прибыли из Севастополя, в малом составе на 127-ю морскую батарею Черноморского флота, которой было задание не пропустить фашистских поработителей в Крым. Батарея была четырехорудийная, башенной установки, полуавтомат, 10-12 выстрелов в минуту, прекрасно оборудована ходами сообщения, кубриками, подвалами, два дзота с пулеметами детека [так в документі], подступы к батарее были минированы.

Личный состав батареи был мал, прекрасный коллектив, который объединял все национальности: русские, украинцы, грузины, армяне, белорусы, латыши и другие.

Командир батареи был лейтенант Ковшов Василий Назарович. Помощник командира лейтенант Егоркин. Политрук – Вейцман Наум Исакович. Командир огневого взвода лейтенант Куцев. Старшина группы комендоров – Бабайцев Николай. Командир первого орудия был Соломка Макар с колхоза Калинина – село Пробуждения³⁹. Я был комендором-наводчиком первого орудия, замковой – Роботнев Николай, заряжающие Петров Михаил, Егоркин.

Я вспоминаю сентябрь 1941 года, была прекрасная погода, та не было радости, в девять часов мимо батареи [по узкоколейке] прошел поезд, в вагонах которого сидели женщины, старики и дети. Женщины плакали, махали нам платочками. По дороге двигались автомашины, на мосту стояла подбитая автомашина, возле которой военком Геническа Демокуров стрелял по фашистам, в неравном бою военком погиб.

Люди эвакуировались из города, фашисты заняли Геническ. Немецкое командование установили на берегу Азовского моря и города артиллерийские и минометные батареи, при поддержке авиации совершали интенсивный обстрел батареи, поддерживали наступление мотопехоты.

Мы противостояли германскому фашизму, под минами, снарядами и авиабомбами много уничтожили его огневых точек,

обратили в бегство с большими потерями мотопехоту и взорвали мост.

Однако положение на Арабатской Стрелке было крайне тяжелым.

Мы не имели связи, не было передовой, имели большие потери в личном составе. В ночное время выставляли боевое охранение батареи. Враг ежедневно артиллерийским и минометным огнем, при поддержке авиации, стремился уничтожить сопротивление батареи, были такие моменты, когда в орудийных расчетах оставалось по 2-3 человека. Вскоре над батареей пролетели два наших истребителя ИЖ-15, которые бросили нам записку, в которой было написано: “Держитесь, товарищи, идет подкрепление”. И мы стояли на смерть, не пропустив немцев в Крым.

15 сентября в ночь на 16 в Геническе, в районе села Рыбачего, была слышна интенсивная перестрелка и мы думали, что это наши войска в районе Н. Алексеевки – Геническа вышли с окружения и прорывались на Арабатскую Стрелку.

16 сентября в 16 часов дня около 40 автомашин, много мотоциклов, танкеток и бронемашин прибыли в район пионерского лагеря и домиков железной дороги в лесополосе. Людей не было видно, они были в зданиях, а техника скрыта в лесополосах, одинокие солдаты ходили изредка возле домиков в красноармейской форме, это было хорошо видно в оптическую трубу орудия и дальномер.

Командование решило послать разведку, в которую добровольно пошел секретарь комсомольской организации Корольков А. и краснофлотец Арнев Н. с расчета первого орудия, которых мы предупредили о большой опасности и в случае опасности махнут бескозыркой. Личный состав был в боевой готовности, за действием разведки вели наблюдение командный пост и лично я в оптическую трубу орудия.

Краснофлотцы, не доходя метров 150-200 до лесополосы, залегли, к ним вышли навстречу 5 солдат в красноармейской форме, и они вместе зашли в небольшой домик, который стоял отдельно. Из домика вышло

³⁹ Пробуждения – село Новоіванівської сільської ради Генічеського району.

три солдата, краснофлотець протягнув в окошко руку і махнув бескозыркою, яка впала назовні. Це послужило сигналом небезпеки. Ці товариші пали як герої, викликаючи вогонь батареї на себе, показав мужество, героїзм, преданість, за щастя і незалежність нашої соціалістическої Батьківщини в боротьбі з германським фашизмом.

Обстановка склалася небезпечна. З 16 на 17 вересня фашистські орди були у стіні батареї. Мотопехота в супроводженні танкеток і бронемашин вела наступлення, обстрілюючи інтенсивний обстріл на батарею.

Командування батареї прямою наводкою в упор відкрило смертельний удар по скопленню противника: були розбиті будівлі, де знаходилися фашисти, знищено 4-і мінометні батареї, які фашисти встановили і вели вогонь по батареї. Під розривом мін, снарядів, авіабомб знищили наступаючу піхоту, танкетки, бронемашини.

Враг не витримав меткого знищувального вогню батареї і двох кулеметів дівка [так в документі]. Поспішно в паніці грузилися в автомашини і мотоцикли, які ми прямою наводкою знищували. Горіли автомашини, мотоцикли, танкетки, бронемашини, ворог відступав, залишаючи багато трупів і техніки на полі битви.

Всю ніч на 17 вересня продовжувався артилерійський, мінометний обстріл, налет авіації, частина особистого складу була в бойовому охороненні, з світанком фашисти

вступили в інтенсивне наступлення на батарею, велика кількість мотопехоти в супроводженні танкеток і бронемашин.

Під мінами, снарядами, авіабомбами особистий склад і командування, командир Ковшов В. Н., помічник Єгоркін, політрук Вейцман Н. І., 16-літні медсестри Веретельник Валя з Мелітополя, Маруся з Щасливецького⁴⁰ 127-ї батареї, стояли на смерть. Проявивши стійкість, мужество, героїзм в жаркій сутичці, в нерівній боротьбі зупинили наступлення фашистів в Крим і повернули в бегство.

З 16 на 17 вересня фашистські орди втратили на полі битви понад чотириста солдатів і офіцерів, понад 30 автомашин, 10 бронемашин, 8 танкеток і багато мотоциклів.

24 вересня в районі Перекопа⁴¹, Чонгар⁴², Салькова⁴³, Арабатська Стрелка, фашистські орди, озброєні передовою технікою, почали наступлення на Крим – Керчь. З великими втратами їм вдалося в районі Чонгар – Салькова зайняти бромзавод⁴⁴, Ішунь⁴⁵, станцію Семь Колодезей⁴⁶.

Внаслідок важких обставин командир 127-ї батареї Ковшов В. Н. дав наказ вибухнути озброєнню і з боями відступити на Керчь. Дорогі товариші, можете собі уявити, як було важко знищувати озброєння, які так добросовісно, безотказно служили нам всю оборону, не пропустили німців в Крим. <...>

*22 жовтня 1982 р.
с. Рівне Генічеського району
Херсонської обл.*

Ф.П-3562, оп. 3, спр. 45, арк. 119-124зв.

⁴⁰ Щасливецьке – село Генічеського району.

⁴¹ Перекоп – село Озерянської сільської ради Генічеського району.

⁴² Чонгар – село Генічеського району.

⁴³ Салькове – село Червонопрапорної сільської ради Генічеського району.

⁴⁴ Бромзавод – хімічний завод з виробництва брому в селищі Красноперекопськ – нині місто Красноперекопськ АР Крим.

⁴⁵ Ішунь – село у Красноперекопському районі АР Крим.

⁴⁶ Сім Колодезів – залізнична станція і центр сільської ради – нині залізнична станція в межах селища міського типу Леніне АР Крим.

Серія “Бібліотечка архіву” започаткована у 2000 році

В серії “Бібліотечка архіву” вийшли друком:

Орлова З., Шинкаренко О. З історії благодійництва на Херсонщині / Державний архів Херсонської області. – Херсон, 2000. – 24 с. – (Бібліотечка архіву. Вип. 1)

Да святиться ім'я твоє: Огляд документів і матеріалів з історії християнства на Херсонщині. – Херсон : Державний архів Херсонської області, 2001. – 44с. – (Бібліотечка архіву. Вип. 2)

Архів і людина: Тематико-експозиційний план виставки / Упоряд.: В. О. Баранюк, О. О. Марущак, З. С. Орлова, О. І. Стукалова, О. І. Шинкаренко. – Херсон : Державний архів Херсонської області, 2002. – 42 с. – (Бібліотечка архіву. Вип. 3)

Казимирчак-Полонська О. І., Г. В. Курнаков. З історії листування / Упорядник З. С. Орлова, О. О. Марущак (відпов. за вип.). – Херсон : Державний архів Херсонської області, 2002. – 25 с. – (Бібліотечка архіву. Вип. 4)

З історії голодомору на Херсонщині у 1932-1933 рр.: Добірка документів / Укл.: В. Баранюк, О. Марущак (відп. за вип.), О. Стукалова, О. Шинкаренко. – Херсон : Державний архів Херсонської області, 2003. – 43 с. – (Бібліотечка архіву. Вип. 5)

Східна (Кримська) війна 1853-1855 рр. і Херсонщина: Тематична добірка документів / Упоряд.: В. Баранюк, Л. Виноградова (керівник), З. Орлова, О. Шинкаренко; О. О. Марущак (відпов. за вип.). – Херсон : Державний архів Херсонської області, 2004– 71 с. – (Бібліотечка архіву. Вип. 6)

У полум'ї війни. 1941-1945 рр.: Збірка статей та матеріалів / Автори-упоряд.: Л. Виноградова, А. Карпова, Ю. Коник, Н. Кузовова, Л. Митницька. – Херсон : Державний архів Херсонської області, 2005. – 58с. – (Бібліотечка архіву. Вип. 7)

Ювілейні дати населених пунктів Херсонщини (2004-2006): Збірка краєзнавчих статей / Автори-упоряд.: В. Баранюк, О. Стукалова, О. Шинкаренко; Відпов. за вип. О. О. Марущак. – Херсон : Державний архів Херсонської області, 2006. – 49с. – (Бібліотечка архіву. Вип. 8)

Орлова З. С. Колекція фотокопій документів з історії Херсонщини: Огляд фонду № 324 / Державний архів Херсонської області. – Херсон, 2007. – 72 с. – (Рос. мова). – (Бібліотечка архіву. Вип. 9)

Коник Ю. О. Херсонська митниця (1797-1924): Огляд фонду № 7 / Державний архів Херсонської області. – Херсон, 2008. – 56 с.; іл. – (Бібліотечка архіву. Вип. 10)

Фронтний щоденник лейтенанта Івана Виперайленка (липень-серпень 1941 р.) / Упоряд.: О. Стукалова. – Херсон : Державний архів Херсонської області, 2009. – 24 с.: іл. – (Бібліотечка архіву. Вип. 11)

Підпільна організація «Центр» (Щоденники П. А. Комкова) / Упоряд.: О. Стукалова. – Херсон : Херсонська обласна рада ; Державний архів Херсонської області, 2010. – 46 с.: іл. – (Бібліотечка архіву. Вип. 12)

Херсонщина за часів нацистської окупації: 1941-1944 рр. / Упоряд.: В. Баранюк, О. Стукалова, О. Шинкаренко. – Херсон : Херсонська обласна рада: Державний архів Херсонської області, 2010. – 65 с.; іл. – (Бібліотечка архіву. Вип. 13)

Науково-популярне видання

Упорядники:

Ірина Юріївна СІНКЕВИЧ, Олена Ігорівна СТУКАЛОВА

***Херсонщина на початку Великої Вітчизняної війни
(червень-вересень 1941 р.)***

Добірка документів

Відповідальний за випуск: В. О. Лебідь
Комп'ютерний набір та макет: С. О. Бондаренко
Технічний редактор: С. Г. Дудченко

Підписано до друку 20.06.2011 р. Формат 60x84/8.
Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. др. арк. 6. Наклад 300.

Видавництво "Айлант"
73000, Україна, м.Херсон, пров.Пугачова, 5/20.
Тел.: 26-67-22, 49-33-48
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ХС №1
від 20.08.2000 р.

Державний архів Херсонської області (ДАХО)

вул. Радянська, 3, м. Херсон, 73003

тел./факс (0552) 22 58 95

<http://kherson.archives.gov.ua>

e-mail: daxo@ukrpost.net

Приймальні дні:

понеділок – 8⁰⁰ – 17⁰⁰

п'ятниця – 8⁰⁰ – 15⁴⁵